

A woman with dark hair tied up, wearing a white, long-sleeved dress, is shown from the chest up. She is holding a silver, ribbed microphone to her mouth as if speaking or singing. The background is a soft-focus indoor setting. In the foreground, the top of a Christmas tree with white lights and ornaments is visible, partially obscuring the bottom of the frame.

Ирина Сабенникова

ЭТО ОДНАЖДЫ СЛУЧИЛОСЬ

Ирина Сабенникова

Это однажды случилось (сборник)

«У Никитских ворот»

2017

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Сабенникова И. В.

Это однажды случилось (сборник) / И. В. Сабенникова — «У Никитских ворот», 2017

ISBN 978-5-00095-321-1

«Это однажды случилось» – первый сборник рассказов поэта Ирины Сабенниковой, сохранившей в своей прозе свойственный ей поэтический взгляд на окружающий мир, придающий ее рассказам легкость и четкость в ощущениях неожиданной свежести, в чем, несомненно, нуждается и читатель, уставший от жестких реалий сегодняшнего дня. Рассказы Ирины Сабенниковой – это возможность каждому узнать что-то о себе, а, может быть, открыть себя самого заново.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00095-321-1

© Сабенникова И. В., 2017
© У Никитских ворот, 2017

Содержание

Время, поставленное на паузу	6
Ангел	8
Аутодафе	9
Брамин	13
Кельтский узел	17
Любовь	22
Ваганьково	26
Два жирафа	28
Девятый дом, или Армянский гамбит	32
Желание быть иностранцем	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ирина Сабенникова

Это однажды случилось

© Сабенникова И., 2017

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2017

* * *

Время, поставленное на паузу

Прежде всего, следует сказать, что рассказы о смерти родной и мировой печатной словесности, конечно, преувеличены ленивыми любителями острых ощущений.

Чем сможет удивить читателя современный прозаик, когда повседневность и быт торжествуют вокруг повсеместно, а художественный текст существует независимо от впечатлений в попытках отражения пространства происходящего? Но вот, когда различные и часто необычные попытки автора отразить происходящие события довлеют в творческом пространстве, приходится считаться с мнением читателя. Какому истукану современный писатель должен поклониться, чтобы у него возникло непреходящее состояние чувственной оценки события, отраженного в рассказе и вызвало бы неподдельный интерес у современного потребителя?

Помнится, знаменитые ранние рассказы А.П. Чехова, в период начинающего прозаика, привлекли особое внимание многочисленного российского читателя. А издатель «Лейкин» бесконечно публиковал рассказы, написанные великим писателем, в своем журнале «Осколки». Что же так тогда привлекло читательское внимание? Почему описание, кажется, обыденных случаев из повседневной жизни всякого российского гражданина стало для многих читателей интересным чтением на многие годы жизни? Что так иногда захватывает наше внимание, почему даже современный читатель вновь и вновь возвращается к этим бесхитростным чеховским сюжетам?

Оказывается, наши представления об окружающем мире наполнены незаметными тайными и секретами, благодаря автору по-новому раскрывающими нам могучие загадки бытия. Именно в гармонии такого раскрытия угадывается новизна восприятия, казалось бы, самых обыкновенных событий вокруг и дарит нам на душе ощущение незабываемых мгновений счастья.

Автору представленного сборника рассказов Ирине Сабенниковой, очевидно, присущ особый поэтический взгляд на окружающий мир, который она попытается выразить в своей прозе. Именно это придает ее рассказам легкость и поэтическую прозрачность. Рассказы И. Сабенниковой объединены общим названием, не претендующим ни на броскость, ни на вычурную оригинальность, даря нам неожиданную свежесть повествования. «Это однажды случилось» – как бы говорит автор, и читатель может с ним согласиться. Да, действительно, вроде бы это же было и со мной прежде, но за суетой я многое забыл, а вот теперь вспомнил. И это воспоминание, как волна теплого воздуха из приоткрытой двери нашего бытия, еще такого живого и дорогого личными переживаниями вчера.

Несмотря на кажущуюся простоту избранных автором рассказов и тем повествования, манере ее изложения присуща метафоричность, насыщенность символами и своеобразная образность восприятия окружающего. Здесь мы не встретим характерного для современной прозы языкового эксперимента, подчас заводящего читателя в специфические духовные дебри.

Язык прозы И. Сабенниковой, кажется, прост, лиричен и почти по-детски наивен. Но при чтении создает у читателя ощущение неожиданной и живой свежести в восприятии событий окружающего нас мира. И. Сабенникова, не живет с плотно закрытыми глазами, она, безусловно, реалист и видит мир таким, каким он ей открывается, со всем его хаосом и подчас абсурдностью происходящего вокруг.

Автор не возводит это состояние в абсолют, за которым может быть только пустота, а стремится, напротив, привлечь внимание читателя к извечным человеческим ценностям, рассматривая жизнь с разных сторон, создавая у читателя многомерное изображение события, основой чему всегда является готовность удивляться и любовь.

Михаил Чердынцев

Ангел

– Здравствуй, – сказал мне весьма пожилой мужчина, крепко и и совсем не по-стариковски прижимая меня к своей груди, – здравствуй. Я так долго ждал, и вот ты наконец-то пришла.

– Садись, – предложил он, усаживая меня на жесткое кресло, покрытое ковром, – садись и рассказывай. Что ты хочешь, может быть, вина или фруктов? Нет? А что ты любишь? Я принесу тебе покушать.

– Я не имею пристрастий, и я не голодна, – ответила я, не вполне понимая, да и не особенно стараясь понять то, что происходит.

– Да, конечно, у тебя нет пристрастий, ведь ты ангел. Ты всегда шла по краю моей жизни, и я чувствовал твое присутствие, хотя и не видел тебя. А теперь ты здесь, – продолжал говорить мой новый знакомый. – Я протянул руку в пустоту, ни на что не надеясь, а встретил твое твердое пожатие. Я так рад, что ты есть, особенно сейчас.

Мне стало грустно. В этом милом доме я могла бы оставаться долго, беседуя на разные темы, но только не в качестве ангела.

И тут я вспомнила другой сюжет, словно переместилась во времени лет на десять-двадцать.

«Я узнал тебя, – говорил другой мой недавний знакомый, – ты ангел, ангел смерти».

Не зная, как реагировать на такое заявление, я промолчала.

«Я лежал в послеоперационной палате, – продолжал он, – весь перемотанный проводами, отходя от наркоза, и думал, что все уже бесполезно. Тут дверь открылась, и вошла ты, одетая во что-то белое. Я узнал тебя сразу. Сорвал провода, встал и пошел к тебе. Ты пришла за мной, я так долго тебя ждал.

Подоспевшие неизвестно откуда медсестры уложили меня обратно в кровать, подсоединили аппаратуру. А на мои вопросы о тебе отвечали, что никого в коридоре нет и все это посленаркотический синдром.

А теперь я опять встретил тебя. Я знаю, ты ангел».

Вот странно, думала я. Неужели мы можем вот так пройти сквозь чужую жизнь и оставить на ней, как на фотографической пленке, засвеченное пятно своего присутствия.

Но день заканчивался, дождь перестал, и пора было уходить.

– Не уходи, – сказал мой собеседник со всей грустью, которую только может передать голос, – мы только встретились.

– Значит, у нас все впереди, – ответила я и улыбнулась.

Аутодафе

Торжественная религиозная церемония, включавшая в себя процессии, богослужение, выступление проповедников, публичное покаяние осужденных еретиков и чтение их приговоров.

Они звонили по телефону вечером, когда он не появился у них, как обычно, часов в пять, немного ссутулившийся, но еще на редкость сильный и энергичный, со своей неизменной потрепанной хозяйственной сумкой, выполняющей роль портфеля. Даже стариком назвать его как-то не приходило в голову, хотя восемьдесят пять – вполне подходящий возраст для старости. Вот только все теперь в жизни перемешалось, и некоторые школьники выглядят гораздо большими стариками, чем их энергичные дедушки и бабушки, перенесшие голод, холод, тяготы войны и послевоенного восстановления страны, как и принято у нас, за счет самих граждан. Они позвонили ему утром, а позже, справившись у консьержа, выходил ли он на прогулку, и узнав, что не выходил, решили открыть квартиру своим ключом, убедиться, не случилось ли чего.

Квартира была пуста, если не принимать во внимание, что обе комнаты и просторный холл, не знавшие ремонта лет тридцать, были плотно заставлены всяким хламом. Даже при беглом осмотре в глаза бросались четыре холодильника, выпиравших из всякой мелочевки вроде магнитол, ламповых приемников, агрегатов для приготовления дистиллята наподобие самогонных, кастрюль, утюгов, бесконечных банок, заполненных гвоздями, шурупами, гайками, и мешков с ветошью. Зачем он наносил весь этот хлам, собрал в городской квартире приличного московского дома это непомерное богатство, было совершенно не понятно. Конечно, с возрастом люди становятся консервативны и им трудно выбрасывать старые и не очень нужные вещи, но нести в дом всякую подвернувшуюся рухлядь на всякий случай – это уже слишком. Впрочем, наверно, не всякую, некая логика в этом хламовнике просматривалась: предпочтение отдавалось технике, которая ремонтировалась, собиралась одна из трех негодных, но никогда не выбрасывалась, разве что разбиралась на составляющие. Книг тоже было в избытке, ладно словари и учебники, которые могли понадобиться для работы, но подшивки замшелых журналов и газет шестидесятых годов, давным-давно связанных бечевкой и покрывшихся таким слоем пыли, что трудно было разобрать даже их название... И по всей квартире громоздились нары, создавая устойчивую ассоциацию с лагерным бараком. Конечно, человек когда-то в далекой послевоенной молодости работал на Сахалине на буровых вышках, а позже в Якутии, так что привычку к лагерной жизни он там вполне мог приобрести, как прививку, которая при слабости организма переросла в хроническую болезнь, с которой дальше уже живешь и не помнишь, что когда-то было иначе.

Его не было уже около суток, и не оставалось ничего иного, как звонить в милицию. Путь аутодафе начался.

– Да, – ответили в милиции, – мы нашли его вчера в мусорной камере соседнего дома. Да, он называл этот адрес. Но приличный человек в мусорной камере прятаться не станет, да и уж очень он был похож на бомжа. Мы отправили его в Гиляровского, там специалисты разберутся.

Вот те на, забрать человека с улицы и, не глядя в документы, отправить в сумасшедший дом, пусть и носящий имя почтенного врача, но все же психбольница, а еще говорят, что туда трудно попасть. И что же теперь делать? Ехать и доказывать, что человек не псих, боязно, как бы и самому в тот же капкан не попасть. Перед психбольницей у нормального человека страх гораздо больший, чем перед любой другой, словно ему нужно соприкоснуться с чем-то запредельным, необъяснимым, увидеть себя со стороны и не узнать эту частицу своего «я». Но ехать все равно надо, не бросать же беспомощного старика.

Не знаю, были ли вы когда-нибудь в такого рода заведениях? Не лучшее это место. Внешне от другой больницы и не отличишь: обычное функционально ориентированное здание, парк, дорожки, но какая-то навязчивая тишина липнет к тебе: к подошвам твоих ботинок, когда идешь по дорожкам, а шаги свои словно и не слышишь, к голосу, который садится сразу на полтона и становится сиплым, точно от волнения, ко всем твоим замедляющимся движениям – ко всему. Входишь в здание, и тишина остается за дверью, а в обычных больницах все наоборот. Пытаешься понять и не можешь, что же здесь не так? Ручек нет. Действительно, все двери без ручек, и тебе ни войти, ни выйти никак невозможно. Трогаешь дверь, гладишь на предмет того, за что бы зацепиться пальцами и открыть, – ничего, гладко. Стоишь перед ней в недоумении и не знаешь, что делать. Ах, ларчик-то просто открывался, здесь же звонок есть, неприметная такая кнопка, сразу и не заметишь. Звонишь. Открывает медицинская сестра в белом халате, спрашивает, к кому, и все как в обычной больнице, потом пропускает вперед и закрывает за тобой дверь. Ты оборачиваешься на всякий случай, а ручки нет. И вот тут-то и поднимается какое-то тревожное гнетущее чувство – как же я выйду отсюда? Оглядываешься, стараясь не привлекать внимания медсестры, но она все равно замечает, – на окнах крепкие двойные решетки.

– Не волнуйтесь, – говорит сестра ровным, слишком уверенным и спокойным голосом, каким, вероятно, с пациентами разговаривает, – я вас выпущу.

Но ты не успокаиваешься, а наоборот, твое беспокойство приобретает более устойчивый характер, и ты всячески стараешься его скрыть даже от себя самого.

– Сейчас приглашу доктора, – так же ровно говорит она.

«Зачем доктора?! – вопит загнанное в ловушку сознание. – Доктора не заказывал, хотел всего лишь человека вызволить». Но не озвучиваешь свой вопль, а тихо остаешься ждать доктора.

Комната для свиданий производит унылое впечатление: два ряда столов, словно в школьном классе, сероватые, неопределенного цвета, масляной краской выкрашенные стены, местами на них более яркими пятнами выделяются какие-то постеры, но все тона приглушены, и ничто не возбуждает интереса и работы мысли – все направлено на успокоение. В сознании всплывает картина Левитана «Над вечным покоем». Нет, все же это еще не кладбище, – подбадривает тебя еще работающий, но больше на холостых оборотах мозг, – надежда остается.

В одной из больничных дверей на уровне глаз застекленное окошечко. Сидит посетитель, ждет врача и все время видит мелькающие в этом окошечке глаза. Что они хотят здесь увидеть, зачем заглядывают? Здесь никого нет. Оглядываешься на всякий случай, действительно никого. А ты что же, – иронизирует мозг, – уже никто? Если не выдержишь этого психологического эксперимента, пусть и случайного, но откроешь эту дверь, то там и есть сама больница, точнее больничный коридор, по которому туда-сюда бродят сумрачные пациенты, кто молча, кто что-то бормочет, но все в одиночку, парами никто не ходит и бесед не ведет. И гул стоит от этого тихого монотонного бормотания и шарканья бесчисленных ног по линолеуму стоит. Закроешь дверь, тихо, и опять глаза пробегающих мимо пациентов мелькают в окошечке, ни за что не зацепляясь, сменяют друг друга, мутноватые, неопределенного цвета и как-то навязчиво сосредоточенные.

Ну вот и врач – женщина средних лет, уверенная в себе, даже можно сказать, нарочито уверенная, настолько, чтобы у собеседника не возникло желание эту уверенность поколебать. В обычной жизни такого человека стараешься обойти, считая его психически неуравновешенным, а здесь такая заячья тактика не принимается. Она начинает задавать вопросы: кем вам приходится пациент? Болел ли он психическими заболеваниями? Были ли неожиданные проявления, чудачества?

Начинаешь мучительно что-то вспоминать, выуживать из своей памяти обрывки впечатлений и чужих эмоций, словно сачком ловить бабочку, которая оказывается только стершимся

от времени лунным бликом, а потому всегда ускользает. А самое парадоксальное, что у всех есть чудачества и нелогичные поступки, человек же не машина, и, казалось бы, все об этом знают. Опрос продолжается долго, кажется, что бесконечно, хотя знаешь, что это не так. И все время за дверным окошком мелькают глаза, иногда кажется, что и он временами смотрит сквозь стекло, но не узнает тебя и молча отходит.

Наконец доктор сообщает диагноз – шизофрения.

– Помилуйте, доктор, – говорит совершенно обессиленный непривычной обстановкой посетитель, – какая шизофрения! Я с ним всю жизнь бок о бок прожил. Да, сложно иногда было, так с кем просто. Он же умница, японский сам выучил!

– Это один из симптомов, – отвечает доктор, – гипертрофированные способности к запоминанию мелочей.

– Так он и китайский знал, и еще десяток языков...

– Вот-вот, вы этим еще раз подтверждаете мой диагноз, – радуется доктор своей прозорливости, – разве нормальный человек это сможет, вот вы, например, сколько языков знаете?

Ты вдруг вспоминаешь чье-то мнение, что хороший психиатр сам на четверть псих, вспоминаешь это и впадаешь в еще большую безнадегу.

– Ну что я, – неуверенно говорит посетитель, – у меня весьма средние способности, я только пять осилил.

Доктор смотрит на него с профессиональным интересом, который, словно холодный душ, отрезвляет говорившего: стоп, никаких подробностей, помни, где ты.

Пытаясь как-то оправдать того несчастного, которого упорно записывают в психи, человек старается поднажать на сочувствие:

– Поймите, доктор, у него тяжелая жизнь была: военное детство, работа на Сахалине, по буровым вышкам, семейная неустроенность.

– Да-да, – кивает доктор, – и я об этом, причины могут быть разные – результат один, и я его диагностирую. Напрасно вы нам не доверяете, мы его подлечим, все как надо скорректируем, вам же лучше будет. Кстати, – как бы вспоминает доктор, – он и сам признался, что когда-то обращался к психоневрологу.

«Еще бы не признался, – думает посетитель, – в такой-то обстановке старого человека можно в чем хочешь убедить».

– А вы психдиспансер запрашивали, состоял ли он на учете?

– Зачем, – искренне удивляется доктор неразумности посетителя, которого она могла бы уже перевести в разряд пациентов, жаль только, число койко-мест ограничено, – в перестройку многие документы выбрасывались и утилизировались, так что искать бессмысленно. Да и его признания нам вполне достаточно.

– Доктор, – делает последнюю попытку посетитель, – а может быть, все же старческая деменция?

– Да-да, – соглашается она, – и деменция тоже.

– Ну не может такого быть, чтобы только в восемьдесят пять лет шизофрению поставили, что ж раньше она не проявлялась! – срывается посетитель, ему все-таки можно проявить нетерпение, он пока не пациент.

– Почему не проявлялась, – недоумевает доктор, складывая свои записи и тем самым давая понять, что аудиенция подошла к концу, – просто вы все списывали на его дурной характер.

– И что же, – пытается продолжать борьбу вконец обессиленный посетитель, – если бы мы сами захотели его в психбольницу с этим дурным характером отправить, вы бы взяли?

– Нет, конечно, – откликается доктор уже скорее из вежливости, – если бы мы своих пациентов по жалобам родственников подбирали, у нас бы коллапс был, каждый второй своих стариков, а то и мужей сюда бы с превеликим удовольствием прописал.

– А милиция, значит, у вас в роли эксперта выступает? – спрашивает несчастный, стараясь собрать остатки своей иронии в один кулак, но удар получается вялым, и кулак сам заливает.

– Напрасно иронизируете, – парирует удар доктор, – милиция свое дело знает.

На этой торжественной ноте доктор встает, вставляет свою персональную дверную ручку в прорезь и открывает дверь в мир.

– Не прощаюсь, – говорит она, – будем вас информировать, телефоны ваши у нас есть.

Человек выходит на свободу, но он ужасно устал от этой больничной обстановки, высасывающей все силы. Как же там пациентам, думать об этом не хочется. Человек идет по тихому больничному парку, который теперь постепенно и как бы нехотя возвращает ему звуки его шагов, шелест ветвей, гудки машин – жизнь большого города. Он вдруг замечает пляшущие на парковой дорожке тени, большой желтый лист клена в луже, зеркально отражающей небо и бегущие по нему облака. От того, где находится небо – внизу, у него под ногами, или наверху, как принято обычно считать, – ничего не меняется. Главное – это точность ощущений, которые порождает это небо, красота, которую пьет твоя душа изо дня в день и никак не может насытиться, холодный осенний воздух, возвращающий к реальности.

Он старался помочь, вот даже пришел на это аутодафе и увидел всю процессию в ее четко выстроенном и выстраданном великолепии. Осужденного спасти нельзя, он приговорен. Так что же делать? Только насколько возможно оттягивать неминуемую развязку, но она все равно наступит.

Брамин

Его звали... а впрочем, не так важно, как его звали, главное, что он был брамином из рода браминов, из поколения в поколение занимавшихся астрологией, проводящих время в бесконечных расчетах и измерениях, составляя таблицы и публикуя книги. Единственно, что они не могли делать, так это зарабатывать на составлении гороскопов, но такова была их карма, а потому надо было работать в другой сфере, например переводчиком или экскурсоводом. Странно было после стольких заверений, что касты в Индии искоренены и не имеют никакого влияния ни на современную экономику, ни на политику, узнать, что это не вполне так. Да, конечно, в стране есть обязательное среднее образование, только обязательно оно для желающих его получить. И в институт может поступить каждый – и брамин, и шудра. Только вот дальше их пути расходятся: кому не подняться выше среднего уровня, а кому добро пожаловать в высший эшелон. Только наш брамин вопреки всему упорно отстаивал идею, что каст в Индии больше нет, а в доказательство этого приводил два примера: один его собственный – он был женат на русской девушке из Новосибирска, другой – его брата, женатого на мусульманке. И то и другое, по его мнению, было бы невозможно в случае существования кастовой системы. Но брамин на то и брамин, чтобы быть убедительным в споре и уметь доказать даже недоказуемое.

В конце восьмидесятых он оказался в России студентом мехмата МГУ и хлебнул лиха, когда в девяносто первом распался СССР, произошла денежная реформа и реформа цен, магазины в одночасье опустели – не стало не только свежей зелени, не припомню, была ли она раньше, но и картошки с морковкой. Впрочем, если бы его рацион включал мясо или рыбу, это бы ему не помогло. Молодой человек подголаживал, и более предприимчивый его однокурсник, уже имевший место на рынке в Лужниках, предложил ему заработать на хлеб насущный, торгуя вместе с ним. Выбора особого не было, и смуглолицый студент, значительно, правда, побледневший от московского холода и скудного рациона, согласился. Вот тогда-то и пригодилось ему знание своего жизненного гороскопа: если нет указаний на то, что тебя убьют в холодной стране на северо-востоке от места рождения, значит, не убьют. И когда после его первого заработка неадекватный чечен стал угрожать ему пистолетом, требуя денег, он с медлительным равнодушием человека, родившегося на 28-й широте и наперед знающего свою судьбу, ответил: «Разве ты мой родственник, чтобы просить у меня денег. Хочешь стрелять, стреляй, ничего не дам». Такой отпор возымел свое действие, его приписали необычайной смелости и хладнокровию, индус стал достопримечательностью Лужников. Грузины с видимым удовольствием принимали его за своего, армяне не сомневались, что он армянин, русские звали Серегой, чтобы не заморачиваться с его труднопроизносимым именем, а он просто старался выжить и понять страну, так непохожую на его родину. Впрочем, достаточно скоро он понял обратное – между Россией и Индией много сходства, и прежде всего колоссальное терпение народа, которое брамин, конечно, мог объяснить только кармой. А когда ты находишь нечто общее с привычным тебе миром, то жить становится легче, и брамин не уехал, к тому же он родился в предгорьях Памира, а там тоже бывает холодно. Впрочем, по его мнению, «холодно» и «жарко» – две схожие категории одного и того же порядка, потому и переносятся человеком примерно одинаково.

Закончив университет и получив диплом математика, молодой человек не стал торопиться с возвращением: отчасти он привык, и его не пугала царящая вокруг разруха и неразбериха, не в пример самим россиянам. Человек, практикующий йогу, умеет абстрагироваться, так что просто необходимо в младших классах российских школ проводить такие занятия – если нельзя исправить, надо абстрагироваться и не тратить свои нервы на ежеминутную борьбу. Великий Ганг вбирает в себя все, а остается чистым. И брамин остался в России, избрав для

себя довольно беспокойное занятие, – устроился в авиакомпанию, занимающуюся перелетами за Уральским хребтом. Странный выбор для южанина.

Можно предположить, что молодой человек хотел испытать себя на выносливость, но это было не так. Он хотел понять и почувствовать, а через это принять народ, среди которого жил. Зачем, не век же он собирался здесь жить? Не век, но двенадцать лет, а это, согласитесь, с учетом девяностых годов, немало, опыта можно было набраться разного, и это в то время, когда многие русские стремились уехать в спокойную Европу, а то и в Индию. Парадокс, но такой род внешнего патриотизма достаточно часто встречается среди иностранных студентов, окончивших советские вузы. Выходцы из Азии, Африки, Индии, Вьетнама, возвращаясь в свои страны, на всю жизнь оставались истинно русскими патриотами, старательно скрывая это свое чувство от соплеменников и с непонятной тягой, точно перелетные птицы, стремясь вернуться назад.

Так что же брамин, не трудности же его привлекали? Нет, его удерживала карма, или, проще сказать, судьба. На роду ему было написано, а ученым языком – звезды в натальной карте указали прожить эти годы в России и встретить здесь свою единственную любовь. И ведь встретил. На маршруте Москва – Новосибирск встретил статную сибирячку и женился, невзирая на сопротивление родителей. Судьба! Что против нее человек? Родители девушки в восторг от темного жениха не пришли и отправили их попутешествовать по миру и подумать, надо ли им связывать друг с другом жизнь. Маршрут выбрали своеобразный – Колумбия, Чили, Куба. Согласитесь, в любой из этих стран можно было остаться навсегда и не по собственной воле. Папа-генерал составлял маршрут, должно быть, не без умысла. И хотя в пути почти удалось потерять незваного индуса, кубинские коллеги готовы были помочь, но карма, знаете ли. Оказалось, что он знаком с дочерью министра внутренних дел, жил с ней когда-то в одном общежитии, и та заступилась, отпустили. Злодейство по типу мыльных опер не удалось, да было ли злодейство?! Так что молодые вернулись, женились, завели детей и живут счастливо в городе Дели, а русская теща приезжает к ним время от времени погостить.

Русский опыт и знание языка помогли брамину найти себе подходящую профессию – он стал экскурсоводом, и, надо признать, хорошим, поскольку знание истории у него не поверхностно, а глубинно и основывается еще на ведической традиции его предков. Знал ли он так же хорошо психологию людей, сказать трудно, поскольку относился к ним спокойно и с тем терпением, с которым воспринимают различные проявления природы: дождь, туман, ветер изменить нельзя, значит, нужно принять как данность, все имеет свое завершение.

Мы всегда выбираем ту страну для путешествий, где сознательно или бессознательно надеемся получить ответ на какой-то уже оформившийся вопрос, вот и с Индией было то же. Хотя, в силу причин, пришлось отказаться от поездки по Южной Индии и выбрать более цивилизованный, с точки зрения европейцев, север, оставалась надежда каким-нибудь неожиданным образом получить долгожданный ответ. Для туристов это всегда проблематично, они практически не соприкасаются с реальной жизнью, окруженные назойливым персоналом туристического бизнеса, выполняющим роль добровольного буфера. Так можно проехать через всю страну, не вдохнув ее запахов, не прикоснувшись к ее земле, не выпив глотка воды, – точно в виртуальном путешествии. И таким же девственно невежественным вернуться обратно. И только если твоя карма привела тебя в эту страну, ты получишь ответ. Нам повезло, экскурсовод оказался брамином, воспринявшим наследие своей семьи как долг, и он мог читать настоящее, которое только кажется нам очевидным, и через это видел будущее.

Мы были в Джайпуре – городе ярких и сочных красок, которые проступают здесь абсолютно во всем: в расцветке тканей, пестреющих во всех уличных лавках, в одежде женщин, похожих на райских птиц в своих разноцветных сари, в драгоценных камнях на витринах ювелирных магазинов и во фруктах на импровизированных прилавках. Кажется, все, что есть в этом городе, – все выставлено напоказ, на обозрение жаждущей красок публике. Мы, лишен-

ные живого цвета в затянувшейся московской зиме, впитывали эти краски каждой клеточкой своей бледной кожи и не могли насытиться. Хотелось взять все, заполнить себя до отказа этой эйфорией цвета, насытиться им. Наверное, поэтому, оказавшись в Джантар-Мантар, мы не могли сразу понять, зачем нас привезли туда, где присутствует лишь один цвет – золотистый цвет песчаника, из которого были сделаны окружающие нас в каком-то хаотичном строе неопределяемые постройки. Все разъяснилось, когда брамин, переходя от одной постройки к другой, стал объяснять их непонятное для случайного человека назначение, пользуясь для этого достаточно умело своими астрологическими знаниями. Он с удивительным упорством старался заинтересовать нас возможностью через эти каменные сооружения понять принцип действия вселенной. Эгоцентризм в каждом из нас настолько велик, что мы бессознательно определяем себя как центр вселенной и оттого, возможно, обижаемся на своих близких, действующих подобным же образом. Но здесь, в этом отлаженном механизме, до долей секунды определяющем движение планет и созвездий, мы вдруг не нашли себя и осознали, в сущности, простую истину – мы лишь мельчайшие песчинки, не определяемые ничем, кроме божественной сущности нашей души. Не этого ли хотел брамин, приведя трех ничего не смыслящих в астрономии, бледных и измученных зимой людей в это святилище астрологической науки? Забыв о красочной пестроте города, мы бродили по обсерватории, построенной раджпутским махараджей Савай Джай Сингхом – талантливым астрономом, в соответствии с ведическими текстами, до сих пор с удивительной точностью выполняющей свои функции – возвращать к реальности тех, кто сбился в системе координат вечности, чтобы он не был потерян для животворящей Вселенной.

– Когда вы родились? – спросил брамин, обращаясь к моей дочери, и, услышав ответ, подвел ее к странной конструкции, показывающей движение Солнца по знаку Стрельца. – Вам нужно жить на юго-западе от места вашего рождения, – сказал он неожиданно.

– Насколько далеко? – спросила его я, надеясь, что юго-запад Москвы вполне может подойти.

– Далеко, – опроверг мои надежды брамин. Его выводы меня не утешили, но дали основание думать, что он не лжет, поскольку дочь уже третий год отдалялась от дома именно в этом направлении.

– Моя старшая дочь, ей сейчас семнадцать, тоже живет не дома. В тринадцать лет Microsoft предоставил ей грант на обучение в США, мы с женой не препятствовали. После получения образования еще семь лет будет на них работать.

– Вам не жаль, что ваша дочь не будет уже жить в Индии? – задала я вопрос, зная о глубоком патриотизме брамина.

– Нет, – спокойно ответил тот, – не жалко, она талантлива и должна реализовать свой талант, а где конкретно, не так важно. – Вот и опять проявился этот взгляд на настоящее сквозь призму вечного, свойственный скорее философу, чем любящему отцу. Но все, что я слышала от него о девочках, свидетельствовало о его сильной привязанности к ним. Мое желание понять наткнулось на непреодолимое препятствие – менталитет западного человека.

– Сколько реинкарнаций нам предстоит пройти? – неожиданно спросил муж всезнающего брамина. Тот посмотрел на солнце, поднявшееся уже высоко на зимнем безоблачном и синем небе Джайпура, нам бы их зимы, указал на тень, показывающую на древних двадцатипятиметровых солнечных часах точное время настоящего, и спокойно ответил:

– Восемьдесят пять миллионов превращений.

После такого заявления торопиться было некуда.

– Кем же нам предстоит быть? – этот вопрос интересовал уже всех нас и не определялся одним только любопытством.

– Всем, – ответил индус почти равнодушно, это его явно не трогало: растениями, животными, деревьями, людьми. Все зависит от той кармы, которую мы уже имеем, и той, которую

создаем себе сейчас, в этом жизненном обращении. Только те, кто достигнет Мокши, смогут выйти из круга реинкарнаций.

– Как же ее можно достигнуть? – подала голос прежде молчавшая дочь, ей, как всякому юному человеку, казалось, что она уже устала в этой жизни, и совсем не хотелось мучиться, еще восемьдесят пять миллионов раз заново сдавая бесконечные экзамены. Индус, у которого было три дочери, понимающе улыбнулся ее нетерпению.

– Вести праведный образ жизни, – назидательно сказал он и, увидев в ответ кислую мину, добавил: – или умереть в одном из семи священных мест Индии. Кстати, мы сегодня будем в одном из них – Варанасе, месте, где родился бог Кришна.

Дочь посмотрела на него взглядом, в котором читалось недоверие, любопытство и еще что-то, что можно было определить как настороженность образованного человека, столкнувшегося с проявлением чуда. Ее можно было понять – все, что нас окружало, было чудом, даже то, что мы до таких лет сохранили детскую веру в слова старика Хоттабыча: Индия – это страна, где много золота, которое добывают муравьи. После такой характеристики только очень ленивый не захочет побывать в Индии.

– Когда родились вы? – задал свой лаконичный вопрос наш сопровождающий, обращаясь одновременно ко мне и мужу, должно быть, считая, что и ответ для нас может быть один на двоих. Я назвала дату и время. Он с интересом посмотрел на меня, впервые за неделю нашего путешествия, словно вдруг увидел мою телесную многомерность. Ну что необычного он мог мне сказать из того, что я еще не знаю, и надо ли мне знать это, может быть, лучше будет повременить? Кажется, восточная неспешность в познании сиюминутных проблем жизни уже проникла в меня. Вперед выдвинулся муж, имеющий много неразрешенных, как ему казалось, вопросов, и брамин ответил:

– Вы ведь пишете, продолжайте писать, но новой книгой займитесь через месяц, тогда она принесет вам желаемый успех.

– Что же принесет успех мне? – не выдержала я взятой прежде паузы и получила:

– А вы его уже имеете. Вы знамениты. – Далее следовала та информация, которую прилично слушать на своих поминках, уже в бестелесном состоянии, и мне от этого вдруг стало неловко и грустно одновременно, точно я и не жила еще вовсе, а вот он, итог.

«Нет, – решила я для себя, – не надо мне таких результатов без процесса, кажется, жизнь и есть самое интересное в жизни».

Вопросов задавать больше не хотелось, да и какие могут быть вопросы, когда у собеседников различное восприятие реальности, а возможно, и ирреальности тоже. Восемьдесят пять миллионов перерождений, согласно ведическому учению, должна претерпеть душа, так что брамин мог немножко промахнуться с моей известностью – на одну жизнь раньше или на одну позже, ему в черед этих бесконечных перерождений, может быть, все едино.

Но не считите меня тщеславной, а хотелось бы все-таки знать, как бы мне этой своей известностью насладиться в моей настоящей системе координат.

Кельтский узел

У меня никогда не было подруг, не то что у нее, подруг, с которыми я была бы знакома от младенчества, с детского сада, а потом бы ходила в одну школу и всегда жила рядом в одном доме. Знала их бабушек и дедушек как своих собственных, их родителей, братьев и сестер. Каждый год праздновала бы их дни рождения, помнила о тех подарках, которые подарили мне они еще в детстве и которые казались более значимыми, чем все последующие. За исключением разве что девяностых годов, когда приобретение всякой вещи было значительным и запоминающимся событием, будь то кастрюлька, пластиковая миска или фаянсовое блюдо для пирога с разлапистым, но, как бывает только на детских рисунках, пронзительным фениксом, обещающим нам возрождение после разрушения до молекулярного состояния нашей экономики, как на государственном, так и на семейном уровне. Подруг, которых я выдавала бы замуж, придумывала имена их детям, выслушивала жалобы друг на друга, разбирала любовные треугольники, которые на глазах превращались в многоугольники и многоходовки, меняя всех действующих лиц местами, сохраняя, впрочем, декорации и основу сюжета. Хоронила их бабушек, а потом и родителей и уже выдавала замуж их детей. Подруг, которых я знала лучше, чем многих родственников, и чьи жизни были переплетены с моей собственной и завязаны причудливым кельтским узлом, распутать который невозможно.

Я не имела таких подруг, возможно, из-за скрытности моего характера. Все, что я знала и чувствовала, никогда не казалось мне значимым для других, и незачем отвлекать людей тем, что им неинтересно.

А без взаимного доверия, без взаимного проникновения чуткими щупальцами чувств и агрессивными, даже порой хищными пальцами эмоций в судьбы друг друга, без взаимных прививок каких-то своих качеств к стволу близкой тебе души подруг не приобретешь. Это, конечно, гораздо легче сделать в ранней юности, как прививают и новый привой на молодую пошедшую в рост яблоню. Таких привоев может быть множество – без этого дружба невозможна. Так и у моей приятельницы было три подруги с самого раннего детства, какое только может человек вспомнить, три одноклассницы, соперницы, а теперь уже три особы, во многом неудовлетворенные своим настоящим, сложившимся не так, как это виделось им в полной амбиций и желаний юности.

Я впервые встретила одновременно с ними тремя и немного опасалась той неловкости, которую приносит чужой человек в давно сплоченную компанию, но напрасно, поскольку оказалась тем несведущим человеком, которого можно просвещать и посвящать в невероятные перипетии недавнего и давнего прошлого.

От такого переизбытка внимания и ненужных мне подробностей чужой жизни даже как-то укачало с непривычки. Всех подруг звали одним именем, часто встречающимся среди наших ровесников, но я не ожидала, что настолько часто.

Марина номер один, несколько набывшись и немного наклонив крупную курчавую голову так, чтобы не выпустить меня из поля зрения и не дать мне возможности переметнуться к кому-то другому, огорошила меня сразу:

– Я мужчин знаю, – говорила она уверенным голосом, – четыре раза замужем была.

– Как, – не сдержала я невольно вырвавшегося удивления, – разве такое бывает?! И все с регистрацией в загсе?

Я-то полагала, что это привилегия мужчин. И не красотка вроде! Чем же она брала? Может быть, грубоватой своей сексуальностью без тени кокетства или флирта, которые, вроде шуршащих обертками конфет, не нужны тем, кто голоден и нуждается в простой, но сытной пище. Мне до нее далеко с моим единственным браком. Да и пойдись теперь найди другого, когда первый говорит, что в любом случае останется со мной, должно быть, в качестве усыновленного

дитяти. Любопытно, можно ли оформить усыновление на человека изрядного возраста? А если он старше усыновителя? Надо поинтересоваться, впрочем, с таким ребенком никто замуж не возьмет.

– Ну что ты можешь знать о мужчинах, – перебила ее Марина номер два, самоуверенная и взвинченная женщина, – тебе же все равно кто, лишь бы в штанах. А мужчины – они разные, – сказала она мечтательно и тут же добавила: – Но все – сволочи. Мой бывший первейшая сволочь был, закрутил с подругой.

Было очевидно, что давняя обида на мужа никак не может утихнуть, словно лава в смиренном вулкане, кипит и булькает и, должно быть, выжигает свое собственное нутро, не имея другой возможности для выхода.

– Ничего у человека святого нет, даже на похороны собственной матери не пришел, я и хоронила.

«Да, – подумала я, – вот это тот еще слизняк, где голова, а где что другое, наверное, не отличишь. Но с такой активно-агрессивной женщиной рядом другой и не уживется, она, как грейдер, все выравнивает и подчищает, никакой неровности – все должно быть идеально правильно».

Откуда у меня в голове этот грейдер появился? Из детства, должно быть? Помню, ездили в лес по проселочной дороге, и в зависимости от того, прошел или не прошел перед нами этот мифический грейдер, можно было проехать или увязнуть. Я его всегда почему-то в виде мастодонта представляла, который ползет и своим брюхом дорогу утрамбовывает. У меня в памяти засело множество немецких или французских слов из детства, невесть откуда туда попавших. Я из-за них всегда белой вороной оказывалась: скажешь «тремпель», а потом полчаса объясняешь, что это такое. «А-а, – в конце концов говорит собеседник, – так это же плечики, так что ж ты их тремпелем обзываешь?» А я просто не могу иначе называть, мне неловко иначе. То же самое с бюстгальтером или шифоньером. Я даже в толковом словаре смотрела, но, кроме строительной конструкции из деревянных палок, ничего не нашла. Впрочем, бродит по просторам интернета еще одна легенда, по которой название свое необычное плечики получили от продавца готовой одежды г-на Тремпеля, который на каждую вещь прикреплял бирку со своим именем. Так теперь делают владельцы всех магазинов, а название вешалки от этого не меняется.

– А Маринка, дура, с ним связалась, только себя погубила. Хорошим врачом могла бы стать, нас на старости лет лечила бы, но спилась. Вот она, красивая жизнь, к чему приводит, – продолжала говорить, не пересекаясь с моим мыслительным процессом, Марина номер два, одновременно подтверждая возникшие прежде у меня ассоциации с грейдером. Любопытно, это она всегда так думала или по результатам жизненного опыта выводы делает о невозможности красивой жизни? А так притягательно это определение «Dolce, Vita», так тянет вкусить от запретных плодов наслаждения. – Ты давно у нее была на кладбище? – обратилась она к подруге. – Заросло, наверное, все, надо сходить прибраться.

– Да, заросло, едва отыскала могилу, участок-то старый, еще ее бабушки, – отвечала Марина номер три, – а ту мы хоронили в середине семидесятых, помнишь? А как твоя дочь, замуж не вышла? – переходит она на другую, не связанную с предшествующей тему.

– Нет, она разборчивая, ищет богатого жениха, – отвечает вторая Марина.

– Она же на китаеведа училась, ей богатый китаец нужен, будет нас чаем хорошим угощать. А работает где? Неужели переводит? – вопрошает третья.

– Бог с тобой, что ей китайский? Она менеджером в фирме работает по металлоконструкциям и получает прилично. А чай ты и в магазине купишь, он весь китайский, не ошибешься. Грузинский чай теперь сами грузины пьют, это лучшее, что они сделать для нас могли.

– Ладно, пусть не чай, но иероглиф на счастье могла бы написать. Я видела на выставке, как каллиграфы китайские пишут. Вроде ничего особенного – туда-сюда кисточкой повел, а

глядишь – узелочек уже завязался. Мне бы такой, говорят, помогает мужа хорошего найти, чтобы не пил, не курил, не шастал по чужим бабам... – не успела закончить фразу первая Марина.

– Угу, – саркастично хмыкнула вторая, – если по бабам будет не ходок, как тебя-то найдет, в церкви, что ли?

– Пять лет иероглифы зубрить, а потом менеджером, не понимаю. Шла бы сразу в сталелитейный, – не отвлекаясь на побочные темы, удивляется третья.

– Сама не понимаю, да и не хочу, знаю, она свое возьмет, это не мы, которые все алые паруса искали, да так и остались не у дел, принцев на всех не хватило, – обреченно шутит вторая. – А еще говорят, что Москва – столица пяти морей, где моряки-то?

– Они теперь все подводники! Их где поглубже искать надо! А ты плавать так и не научилась, все пешком по дну ходишь, куда тебе моряка, – съязвила третья.

– Я вот инженер, – продолжила свое вторая, не желая вступать в давно powyцветшую дискуссию с подругой о достойном спутнике жизни, которого, как я уже поняла, никто из них не нашел, – а работаю бухгалтером, спасибо перестройке. Да и ты сама – учитель математики, а теперь что?

– Не знаю, на курсы сейчас хожу, – ответила первая Марина, – менеджменту учусь, как людей охмурять и не дать им уйти, если они в магазин вошли или в фирму обратились. Не так-то это просто, тут и психология – слабости человеческие надо знать, и расчет – человек, когда не уверен, легко чужому влиянию поддается, главное не дать ему в себя прийти, отпрессовать под нужный формат. Если замешкался и остановился, считай, уже мой клиент.

– Да уж, достойное занятие для педагога, нечего сказать. Впрочем, я тоже на занятия «Гербалайф» в начале девяностых ходила, теперь и поверить в это трудно, а тогда... – продолжила третья Маринка. – Стою на станции метро, думаю о своих проблемах и поезда пропускаю, спешить некуда, на работе меня сократили. Тут подходит молодой человек и участливо так спрашивает: «Вы, возможно, работу ищете? Приходите по этому адресу, – и протягивает мне карточку с адресом и временем встречи, – мы вам поможем». Понимаете, всем до меня дела нет, спешат, толкаются, каждый сам в себе, а ты хоть под этот поезд прыгай со своей проблемой, и тут вдруг – приходите, поможем, – я, конечно же, пошла. Пришла, то ли концертный зал, то ли кинотеатр, не припомню, народу много, и все большей частью такие же, как я, только что народившиеся безработные, после советской всезанятости в себя никак прийти не могут, участия к своей трудной судьбе ищут. А на сцене один за другим менеджеры «Гербалайфа» выступают и все одно и то же талдычат – мы одна команда, мы одна семья, мы одно целое! Встаньте, давайте похлопаем, потопаем, проскандируем лозунг, и так до бесконечности, пока люди не одурели от всего этого напора и не начали дурацкие лозунги во все горло что было мочи орать. Тут уж я себя спросила: туда ли я попала, куда хотела? Пусть я и оказалась в одном болоте со всем, но это еще не значит, что в русской луже по-американски квакать стану, пусть своих дураков ищут или так выращивают. Встала и бочком-бочком к двери под неодобрительными взглядами. Вышла, и жизнь показалась не такой поганой, как прежде, так постепенно и наладилось.

– Да, помню, как меня однажды в начале девяностых поймали – приезжайте, говорят, на ВДНХ, вы выиграли кухонный комбайн, – вступает со своей достаточно типичной для девяностых годов историей Марина номер один. – Представляете, в магазинах шаром кати, приличной плошки не найдешь, а тут кухонный комбайн – мечта, сказка братьев Гримм!

– Это ты о горшочке каши, что ли, вспомнила? – спрашивает вторая. – Так он не для всех варил, только для умных и добрых.

– А я что, жадная?! Нет, я рациональная и экономная, в отличие от тебя. Правда, тогда от моего рационализма ничего не осталось, как услышала о выигрыше, так все и забыла, даже то, что я ни в каком розыгрыше не участвовала. Приехала за подарком, а там таких желаю-

щих целый зал, и все идут и идут. Каждого к отдельному менеджеру направляют для беседы. Что ж, думаю, неужели все выиграли, тогда мне комбайна не видать. Но уходить с пустыми руками жалко, на то, видно, и рассчитано было. Села за столик, и началось: ваш номер телефона выиграл в розыгрыше, поздравляем! Мы рады предоставить вам кухонный комбайн последней модели фирмы Vito, он будет вашим незаменимым помощником на кухне. Но вместе с ним предлагается еще набор кухонных ножей, неизвестно где сделанных, набор посуды фирмы «Тяп-ляп», коллекция тряпочек всех цветов «Радуга», чтобы каждый нож вытирался своей особой тряпочкой, набор контейнеров для хранения каждого элемента отдельно, и т. д., и т. п. Нет, думаю, я при этом отдельном хранении ничего вовек не найду, да и где же я сама жить буду, если все эти необходимые вещи домой принесу. Переборщили они с отдельным хранением, это точно. Здесь-то у меня мозг и включился. Думаю, если я все это барахло куплю, то по цене комбайн и получится.

Стоп! А менеджеру спокойно так говорю – мне подумать надо, деньги посчитать. А он вцепился мертвой хваткой: если сейчас не купите, потом не будет, или цена возрастет, или комета в землю врежется, или... Я слушать продолжение не стала да как заору: «Дурите простой народ! Пользуетесь доверчивостью людей! Пирамиду египетскую строите!! Мошеники!!!» Ну, тут уж меня они сами с радостью выставили, чтобы я из их тихой заводи другой распропагандированной рыбы не увела. Ушла ни с чем, только на дорогу зря потратилась. У метро, правда, купила шесть хрустальных фужеров – женщина нипочем отдавала, им в Гусь-Хрустальном зарплату фужерами выдали, а с ними в магазин не пойдешь, хлеба не купишь, живые деньги нужны.

– Это те, что ты на день рождения всегда на стол ставишь? Красивые! Теперь-то Гусь-Хрустальный разорился. Должно быть, оттого и разорился, что все разбазарил на зарплату, – констатировала третья Марина.

– А ты как? – обратили они наконец внимание на свою подругу, выступающую в роли хозяйки. – Теперь отошла? Напугала ты нас своими откровениями, думали, что ты совсем с катушек слетела. Не ожидали, что столько лет дружим и знаем друг друга с яслей, а ты вот так о нас думаешь. Спасибо, твоя сестра сказала, что у тебя депрессия. Это хорошо, что депрессия, а то ведь так на всю жизнь врагами можно остаться.

– Это что ж ты про Маринку говорила – сексопарозонд, кажется?! Во как! Может, и есть что-то, – протянула вторая Маринка, которой и принадлежала вся тирада, – но уж слишком сложно, и зонд здесь при чем? Ты видела, чтобы она что-то длительному анализу подвергала?

– Анализу я жизнь свою подвергала, вон сколько человек ее зондировали, а до сути так и не добрались. А тебя, может быть, и правильно определили, ледокол ты наш имени Ленина, – заявила обиженная напоминанием первая, – правда, ты не только ломаешь, но еще и подмораживаешь по ходу, как рефрижератор.

– Ладно вам ссориться, – вступила в пререкания двух подруг третья Маринка, не желая, чтобы и по ней проехали катком убийственно точных определений, – ясно, человек не в себе был, всякое может случиться.

Я с интересом посмотрела на свою приятельницу. Знаю ее год с небольшим, но основные свойства характера, кажется, уже изучила, а тут такое! Не каждый решится в лицо сразу трем женщинам правду о них сказать, тем более после стольких лет знакомства, лучше в мешок с кошками. А определения точные и с воображением, словно давно созревшие плоды. Интересно, как она третью подругу определила, может быть, дыроколом, она вроде как все подытоживает и подшивает. Ну, кажется, с меня хватит, пора уходить, пока и меня здесь за компанию не подшили. И, сильно обогащенная жизненным опытом, я как можно сердечнее распрощалась с четырьмя подругами и пошла домой, к своему единственному мужу, которого мне казалось вполне достаточно при нашем скромном быте академических сотрудников.

Будильник звонил долго, пока наконец до моего сознания не дошло, что пора протянуть руку и выключить его. Это не особенно сложное движение тем не менее заставило меня проснуться. Я повела глазами по комнате, стараясь понять, где я нахожусь, в то же самое время удерживая в памяти все только что со мной происшедшее.

Почему четыре? – вертелся в голове зацепившийся за уходящее на второй план подсознание вопрос. Я же знаю только одну Маринку. Но их было четыре, как четыре грани, четыре измерения одного и того же. Нет, три, – говорил мне просыпающийся мозг, – ты знаешь три измерения. Да, действительно, я знаю три. Но есть четвертое, я точно помню, четвертая, объединившая и отразившая всех их вместе, как одно целое, – этот зыбкий образ из моего подсознания. Удержать сон практически невозможно, он тает, трансформируется во что-то аморфное, и остается только образ. Образ кельтского узла. Да, именно так. Кельтский узел.

Я проснулась. Рядом еще спал муж, менее чувствительный к призывам будильника. Все заняло свои места, но моя коллекция головоломок пополнилась новым интересным экземпляром – кельтским узлом, распутать который без угрозы для жизни невозможно, разве только сильнее затянуть.

Любовь

Так приятно просыпаться, когда луч солнца трется о твою щеку, щекочет, ластится. И ты, еще в полудреме, открываешь глаза и улыбаешься. А впереди длинный-длинный день и вся жизнь, у которой не видно конца. По крайней мере, ты еще не пытаешься заглянуть так далеко.

С таким чудесным ощущением я проснулась, лежа на старой скрипучей раскладушке, наполовину задвинутой под круглый старомодный стол, и вдруг увидела, что не только солнце ласкало мое лицо, но и взгляд маленького мальчика. Он стоял возле моей постели и скользил взглядом по всем выемкам и выступам моего лица, шее, спускался ниже, на едва прикрытое простыней тело, к ступням ног, висящих в пространстве. Наверное, во сне я немного сползла или раскладушка была не слишком велика. Потом так же плавно взгляд поднимался обратно и, запутавшись в растрепанных волосах, остановился на губах. Я улыбнулась и тем выдала себя. Его взгляд не выражал случайного детского любопытства, он был мужским и тяжелым, иначе я бы не почувствовала его движения по своему телу.

– Когда мне исполнится восемнадцать, я на тебе женюсь, – сказал мальчик без всякого предисловия.

Передо мной стоял ребенок пяти лет, а меня охватила почти что паника. Когда же это будет? – лихорадочно соображала я. – Ему сейчас пять, то есть через тринадцать лет. А мне сколько будет лет? Сейчас семнадцать да тринадцать, ого, это же уже тридцать. У меня немного отлегло от сердца, когда я убедилась, что время есть, меня еще не тащат в ЗАГС и вообще все это в далекой перспективе.

– Знаешь, давай лучше книжки читаем, у меня есть интересные, – я обычно легко нахожу общий язык с детьми.

– Я тебя люблю, – неожиданно глухо сказал мальчик, – ты будешь моей.

Я поежилась. Мне таких признаний еще никто не делал, не то что ребенок. Неловко как-то стало полураздетой на раскладушке.

– Даже если ты уедешь с квартиры, я тебя потом отыщу. Вот так перспектива, почти испугалась я, предчувствуя в этом ребенке тяжелый и упрямый мужской характер. Такой ведь и действительно может отыскать. Я мучительно пыталась перевести разговор на что-то более нейтральное.

– А что мама, спит? – спросила я, по-прежнему пригвожденная его взглядом к кровати. – Может быть, ты к ней пойдешь?

– Я хочу тебя поцеловать, – безапелляционно заявил малыш.

– Нет, только не это, я терпеть не могу целоваться, – громким шепотом запротестовала я, попыталась единым рывком подняться с проваленной раскладушки, но только запуталась в простыне. Мальчик наклонился и поцеловал меня в губы. Я чуть не расплакалась от обиды. Без моего согласия! Да меня никто еще не целовал, а этот молокосос себе такое позволяет!

Не знаю, что бы еще могло произойти, но вошла его мать.

– Пойдем, Антон, дай девочке проснуться. – И ко мне: – Он очень страстен и влюблен в тебя. У него и отец такой же, один раз меня увидел и больше уже не отпускал. Наваждение какое-то. Вот сейчас в тюрьме, так я живу, а выйдет, и я не знаю, что будет.

«Вот те на, а мне-то это зачем», – подумала я и решила как можно скорее подыскать другую квартиру.

Но пока надо было ехать на археологическую практику, а туда много вещей не возьмешь, вот я и оставила весь свой скарб под столом до осени. Приеду – заберу. В сентябре нашла квартиру, взяла кое-какие вещи, что в руках донести могла, правда, тогда у меня имущество было весьма скудное, на съемных квартирах не разживешься. Книги вот только множились со страшной скоростью – то учебники, то классики, ну и для души, что случайно в «Букинисте»

купишь. А еще детские книжки, очень уж в них иллюстрации замечательные попадались, и стоили самую малость, так что нет-нет да и куплю.

Что могла, взяла, а вот детские книжки да тетради старые оставила до другого случая, не больно мне с Антоном встречаться хотелось. Я и со взрослыми-то людьми отношений не выясняю, а тут вроде ребенок.

Самым неожиданным во всей этой истории было то, что слово свое он сдержал, нет, конечно, не буквально, но руку приложил.

Время быстро пролетело, так, кажется, принято говорить, но так оно и было. Пять лет в университете, как один солнечный день холодным сентябрем, оставляют в душе ощущение праздника. Надо было всякие формальности урегулировать: в библиотеке отметку об отсутствии задолженности получить, по кафедральным тоже, спортивный инвентарь и, главное, штампики в комсомольском и профсоюзном билетах проставить об уплате членских взносов за все эти годы. Я, конечно, взносы платила, но подтверждения этому не имела, да никто особенно и не настаивал. Это же Саратов. Стала я документы искать – профсоюзный быстро обнаружился, в какой-то книге закладкой служил, а вот комсомольский – просто наваждение какое-то, нигде нет. Стала вспоминать, когда последний раз его видела, квартир-то сменила за это время немалое – не могу вспомнить, думала, так и не отыщу. Нас с детства учили к документам бережно относиться, почти что богобоязненно, всегда под рукой иметь, если что, пожар там или война, перво-наперво документы хватать и бежать, а тут нет основного – комсомольского билета. Я даже не столько сама расстроилась, сколько представила огорчение своих родителей, для которых документ – святыня.

Несколько дней вспоминала, всю цепочку возможных манипуляций с этим билетом за пять лет проследила и догадалась: он может быть только на той квартире, где Антон жил, я же там часть книг и тетрадей своих оставила, придется идти, еще не факт, что все это не выбросили на помойку за ненадобностью. Но времена были другие, любая вещь ценилась, тем более книга. Собралась с духом, не очень-то мне хотелось встречаться теперь уже с подростком, не верю я, что люди с возрастом меняются, я вот какой была, такой и осталась, все об этом говорят.

Пришла на прежнюю квартиру, звоню, открывает женщина незнакомая. Я ее пытаться стала: где те, кто здесь четыре года назад жил? Она на меня как на чудачку смотрит и говорит:

– Ты бы еще через десять лет пришла в гости.

Я ей объяснила, как смогла, что документы на квартире оставила. Слово «документы» свое действие возымело, хоть и произнесено было явным лохом.

– Надо тебе к хозяйке квартиры обратиться, кажется, здесь ее родственница жила с ребенком.

Узнав адрес хозяйки, отправилась к ней. И опять по новой – кто, да что, да зачем, да может ли такое быть, чтоб документа четыре года не хватились. Но в конце концов и ее сопротивление я сломала, узнала адрес, где мои старые знакомые теперь жили, спасибо, что родственниками этой бабушке доводились, а то где бы мне их искать, ни имени, ни фамилии я не знала.

На другой день, благо что воскресенье было, пошла по гостям, уже и не думая, хочется или не хочется, мне бы билет раздобыть. Меня узнали, правда, очень удивились и тому, что вспомнила о них, и тому, что отыскала. А когда причину узнали, так и вовсе призадумались.

– Мы, – говорят, – давно уже с той квартиры уехали, живем здесь, в частном доме. Вещи какие-то взяли, там вроде и твои тоже были, но где они...

Я стала просить вспомнить – мне очень надо, там же документы. Это магическое слово я уже специально вставляла, зная, что подействует, и мои знакомые согласились посмотреть на чердаке.

– Приходи, – говорят, – завтра, если что осталось, найдем.

Я пришла, но лучше бы сделала это четыре года назад.

– Нашли, как ни странно, твой билет. Среди детских книжек был заложен, – говорят, а сами стесняются чего-то. – Нашли-то мы нашли, но знаешь, здесь вот какая штука, – и протягивают мне билет. Я раскрываю его, и – о ужас! Такого придумать-то нельзя. На титульной странице моя маленькая фотография, в четырнадцать лет сделанная, а во лбу у меня ярко-алая звезда горит, и по всему билету эти звездочки разбросаны, просто звездопад какой-то.

– Извини, – говорят, – это Антон, когда маленьким был. Ты же знаешь, он тогда в тебя влюбился, так с ним сладу не было, отыскал твою фотографию и, как умел, разукрасил.

– Ладно, что ж теперь делать, спасибо, что звездочками красными, символика документу соответствует, если бы свастикой или еще чем-то, хуже было бы.

Поблагодарила я их, конечно, а сама не знаю, что ж мне теперь делать. Стереть нельзя, забелить тоже, лучше уж так оставить. Принесла в университет комсorghу, благо моя приятельница, а она как открыла книжечку, чтобы штампики за четыре года об оплате взносов проставить, так и обмерла. Захлопнула билет и прыснула.

– Как тебя угораздило?

Я объяснила, как могла, понимаю, что не очень убедительно, но как еще эти художества объяснить.

– Это же, – говорит, – документ, мы же его поменять не успеем, да и поменять в связи с порчей документа только с выговором в личное дело можно, зачем тебе это сейчас. Выговор мы уже не снимем, и поедешь ты с ним неизвестно куда. Лучше так оставим, а на новом месте, может, и не заметят сразу.

– Не заметят, как же, разве я в школу для слепых устроюсь.

А что делать. Забрала свой зазвездившийся комсомольский билет, будь что будет.

После университета у меня было свободное распределение, так что работу искала сама. Сама бы, правда, ничего не нашла, но стечение обстоятельств помогло, да и ангел-хранитель не оставил. Взяли меня в академический НИИ на самую младшую должность лаборанта. Не слишком почетно, но сразу после института на большее рассчитывать не приходилось. Средний возраст в институте шестьдесят три года – это средний, а так некоторые академики еще в империалистической войне участвовали, так что даже доска памятная висела «Наши участники Первой мировой» рядом с участниками Великой Отечественной. В общем, люди все солидные да остепененные. Но комсомольская организация была, и мне пришлось в ней встать на учет.

Принесла я свой билет для регистрации, секретарь его открыл и аж задохнулся от неожиданной красоты такой.

– Что же это? – спрашивает.

– Билет, – говорю, – все взносы уплачены.

– А звезды откуда? – всем одно и то же знать хочется. Я объясняю, что трудная юность, на квартирах жила, по чужим углам. Ребенок безнадзорный разрисовал, хотел как лучше.

– Да, – говорит, – талантливый ребенок. Ваш?

– Нет, с чего же вы взяли, что мой? Чужой ребенок.

– Тогда почему ваш билет разрисовал?

– Да откуда я знаю, фотография, может быть, понравилась.

– Ладно, – говорит секретарь, – теперь уже ничего не поправишь, придется вам в райком комсомола идти и там объясняться, как они скажут, так и сделаем.

Пошла в райком. Пришла, второй секретарь – хлыщеватого вида молодой мужчина – спрашивает:

– Ты, девочка, по какому вопросу?

А мне уже двадцать один год, я себя взрослым человеком ощущаю.

– У меня вопрос деликатный, – говорю и билет ему свой протягиваю. Ну, что дальше было, догадаться несложно: взял он билет с постным видом, открыл, потом рот рукой зажал и из комнаты выскочил, не хотел, наверное, свое напускное достоинство потерять и легкомыс-

ленным показаться. Но из коридора, а потом из соседней комнаты долго еще хохот доносился. Через некоторое время вернулся.

– Кто же, – спрашивает, – тебя так раскрасил?

– Ребенок, – отвечаю, – неразумный. Залез в стол и разрисовал все звездами, вполне патриотично, не свастикой же.

– Это хорошо, что не свастикой, но билет менять придется, а это только через выговор с занесением в личное дело, так что не обессудь.

С тем и вернулась я в институт.

Месяца через два назначили комсомольское собрание, и на повестке дня – смена комсомольского билета в связи с порчей. Всем интересно, что я такое с этим билетом сделала, что при всей коллективной близорукости местной комсомольской организации его менять пришлось. А я никого еще в институте не знаю, да и старше они меня все, так что между нами стена, пусть и стеклянная. Но от скуки общей, присущей собраниям такого рода, стали присутствующие мне вопросы задавать, что вот, мол, новый человек, хотим познакомиться, пусть все подробно нам расскажет и о себе, и о порче билета. Пришлось мне рассказывать. Повеселились ребята, первый раз, наверное, такое живое собрание в этих унылых стенах было, каждый хотел высказаться. В конце надо было решение вынести, так один ехидный юноша предложил меня комсоргом комсомольской ячейки сделать, с тем, чтобы на деле могла показать свою преданность идее молодого строителя коммунизма и высокий моральный дух. Так вот и решили, как я ни сопротивлялась.

Вынесли мне выговор с занесением и назначили комсоргом группы. Долго еще этот анекдот по коридорам рассказывали, так что благодаря любовному пылу пятилетнего Антона и его тяге к творчеству известность я приобрела сразу в четырех институтах – всех тех, что ютились в одном здании.

Группу мне доверили непростую, состояла из трех злостных неплательщиков взносов, хорошо хоть, что все трое были молодыми людьми, так что общий язык нашли быстро, и задолженности по взносам растворились сами собой. Правда, двое волокитами были, а третий – углубленным в свою научную миссию ученым, но это нам не помешало стать друзьями. Через некоторое время все определилось: один стал за мной ухаживать и замуж звать, другой оказался замечательным компаньоном для посещения всяких вечеринок и артистических мастерских, а вот третий так углубился в научные изыскания, что до сих пор его оттуда вытащить не могу и объяснить, что жизнь прекрасна. Мне иногда кажется, что он так и считает, что у меня во лбу красная звезда горит, как на той фотографии в комсомольском билете, а разубедить его возможности нет, слишком занят.

Как-то раз я увидела афишу лауреатов Собиновского фестиваля, проводящегося на базе саратовского оперного театра, по ошибке присланную мне на электронную почту интернет-ссылкой. Из любопытства я решила посмотреть. Среди нескольких фотографий, ничем меня не тронувших, я заметила фотографию молодого мужчины и как будто знакомый упрямый взгляд светлых глаз исподлобья, напомнивший мне маленького Антона. Неожиданный привет из прошлого, а может быть, из будущего. Или просто случайное совпадение?

Ваганьково

В начале октября солнце, ласковое и нежное, словно пальчики младенца, скользит по лицу, разглаживая напряженные морщинки у переносицы. Глаза закроешь, удержишь дыхание, чтобы все внутри улеглось, а потом тряхнешь головой, и все эти недодуманные и несостоявшиеся мысли посыплются, разлетятся во все стороны, как осенние листья. А листьев напало столько, что никаким веником их не выметешь, и приходится целыми охапками выносить за ограду и как это ни чудовищно, а такую красоту нерукотворную в мусорный контейнер сыпать. Все Ваганьковское кладбище захвачено этой красотой неожиданно и вдруг: вчера еще было лето и пыльные зеленые листья, а сегодня – эйфория красок, торжество цвета. Моя любимая пора – миг грусти и восторга одновременно, и все это на грани жизни и смерти.

Вот этот миг и застал меня на Ваганьковском. Надо было бы подождать, как практичные люди делают, пока все листья с деревьев облетят, осядут на земле, съезятся, и тогда, перед самыми заморозками, убирать – не жалко и легко. Ну да ладно, чтобы так поступать, умным надо быть, а не эмоциональным.

Листья убрала, хотя к вечеру новые нападают. Пусть, черный гранит – желтые листья, красиво. Да и моя свекровь осень любила и астры. Я их тоже люблю, всякие, но особенно темно-бордовые на длинных темных стеблях. И венки из кленовых листьев люблю, чем не золотая корона. Подумала так и сплела венок, положила на могилу. Если ушедшие нас видят, ей понравится. Постояла немного в тишине и в солнечной неге и пошла не торопясь к выходу.

Иду по аллее, памятники рассматриваю – старые, новые – много их на Ваганьковском. Новые всяким известным, порой в узких кругах, личностям принадлежат, за ними администрация приглядывает, а вот за старыми – родственники, все больше старушки. Видно, что тяжело им наклоняться, листья выметать, но держатся достойно, с советского детства, должно быть, осталось – чувство долга превыше всего. Вот и трудятся. Пока шла да по сторонам смотрела, вспомнила о своем старом знакомом, который нет-нет да и касался кладбищенской темы в разговоре и то ли в шутку, то ли всерьез начинал вдруг объяснять, как за его могилой надо будет ухаживать, что посадить, какую ограду поставить. Даже водил меня на могилу своего отца, где и сам будет когда-нибудь похоронен. Странно, что я о нем вспомнила, давно не виделись. Так ведь могила где-то здесь недалеко, через дорогу только перейти. Зайду, гляну.

Через дорогу то же – листва все засыпала, украсила могилы пестрым ковром, так что и отыскать трудно. Ну, я как-то нашла, прочла надпись на памятнике: она. Постояла, размышляя, зачем пришла, никто же не просил, уйти, что ли. Да ладно, ничего случайного не бывает, раз пришла, так надо убратся, хоть листья вынести, навык у меня уже есть. Так, где выметая, где собирая в рыжий влажный пук, листву я победила. Площадка возле памятника стала чистой и скучной. Цветов нет, идти за ними к воротам кладбища не хочется, остается одно – из тех же листьев что-нибудь сплести. Вот я и стала плести, даже не венок, гирлянду сплела и на памятник повесила, пусть украшает. Я, конечно, человек посторонний, но уж какой зашел.

Собралась уходить, а тут женщина пожилая подходит, глаза уставшие, но не потухшие, как это часто бывает. Спрашивает меня:

– Не хотите помочь за могилами ухаживать? Мы неплохо платим. Я за вами наблюдала, вы очень аккуратны.

Я обомлела от неожиданного предложения. Потом представила, как все со стороны выглядело, и улыбнулась.

– Спасибо, – поблагодарила я женщину, – пока нет.

– Подумайте, – сказала она, уходя.

Да, предложение для доктора наук весьма соблазнительное, и платят, как ни странно, не то что в журналах. Однако я что-то делаю не так. Теперь мне стало понятно, что именно.

Закрыв дверь в прошлое, не надо за ней стоять в ожидании, что кто-то в нее постучится. Надо широко открыть двери в будущее и принять его таким, какое оно есть. А листопад засыплет все – и плохое, и хорошее, и ничего уже не будет, кроме мягкого октябрьского солнца и горьковатого запаха дыма от костров, пропитавшего все вокруг. А еще осени, грустной и радостной одновременно.

Два жирафа

Первое сентября – уже не лето, но еще не осень, а некое переходное состояние от блаженного ощущения дачного покоя и неторопливого, только лету присущего медлительного течения времени к четко структурированному расписанию городской жизни, где у каждого определены свои обязанности. Стешка всего этого не знала, но всем своим маленьким детским существом чувствовала, поскольку дети видят не только человека, но и его ауру, а потому к одним людям они тянутся и льнут, а других боятся без видимых для нас на то причин. Вот и Стешка, должно быть, видела, как меняется красочная летняя картина настроения окружающих ее взрослых, приобретая более холодную сине-зеленую и фиолетовую тональность. А потому она стала чуть задумчивее и капризней. А тут еще детский сад.

Стешка – человек общительный, для нее детский сад – приключение с продолжением, не то что для других – трагедия жизни и повод к созданию всевозможных психоневротических комплексов, но и у нее не все однозначно просто. Социализация – слово-то какое казенное, а для ребенка это все движение вверх по лестнице: где-то ступенька поменьше, и там легко, а другая покруче и не в размер – там труднее. Но если оставить все эти рассуждения за кадром и сказать просто, то получится – первого сентября Стешка пошла в детский сад.

Забрали ее пораньше, чтобы не пугать сразу длительным пребыванием в незнакомом месте. Мороженое купили для закрепления положительных эмоций и устроили маленький семейный праздник. Стешке в садике понравилось.

– Клоны, – говорит, – были, делали представление сказки «Маша и медведь».

– Какие, – спрашиваю, одновременно дивясь развитости трехлетнего ребенка и ужасаясь неожиданному предположению, – клоны?

– Такие, какие в цирке выступают!

– Ах, клоуны, – доходит до меня, – ну, слава богу, не вундеркинд, можно жить дальше.

– Девочки в группе были? – задаю глупый, но необходимый для ребенка вопрос, хотя знаю, девочек от мальчиков она с младенчества отличает и свое женское начало всеми фибрами души чувствует, да и использует уже неплохо. Лиса Стешка.

– Были, конечно, – отвечает она снисходительно.

– А мальчики?

– Были.

– А кого больше, мальчиков или девочек? – это уже вопрос на развитие.

– Девочек, конечно. Эх, хорошо, что все мы девчонки! – восклицает она с искренним удовлетворением, а я и не знаю, включена ли я в этот круг девчонок, но полагаю, что включена, и мне тоже становится хорошо. Бог знает, чувствует ли трехлетний ребенок возраст, ведь это еще почти чистая душа, а у души возраста нет. Потому, возможно, так легко общаться с детьми, даже слов не надо, довольно улыбки. Это как от берега оттолкнуться, а дальше уже все само пойдет, и ведущим обязательно будет ребенок, что бы педагоги об этом ни думали.

– А чем занимались? – спрашиваю я, хотя и так знаю распорядок дня, заранее все изучила на доске объявлений.

– Играли, ели, гуляли... – перечисляет Стешка, потом задумывается и говорит как-то загадочно: – Спали.

Для нее это необычно, первый раз спала не дома. А сон для ребенка – это не только некое физиологическое состояние, это волшебство, переход в параллельное измерение. Посмотрите на ребенка, когда он просыпается, и не может понять, здесь он или еще там, и никак не хочет сюда, назад, в нашу социализацию.

Я понимаю, что надо эту тему как-то сгладить, разговорить, что ли, и спрашиваю:

– Ты спала в кровати?

– Да, – отвечает, – в кроватке. Мно-о-о-го кроваток.

«Еще бы, – думаю я, – группа на двадцать восемь человек, нормы для детского коллектива сумасшедшие сделали, хорошо, что не все дети ходят, а то бы китайский вариант получился – всякое движение по команде и строим, иначе не поместятся в комнате, рассчитанной на пятнадцать».

– А что снилось? – наконец задаю я давно припасенный вопрос и самый для меня интересный.

– Мне снились два жирафа, – говорит Стешка мечтательно. – Один жираф желтый, а другой фиолетовый.

И по мере того как она не торопясь и с наслаждением говорит, я с удивлением обнаруживаю, как ко мне склоняются откуда-то свысока две жирафьи морды на длиннющих причудливо изукрашенных узорчатых шеях: одна улыбающаяся желтая, другая, немного грустная или задумчивая, – фиолетовая. У них мягкие большие и подвижные губы, которыми они щиплют и щекотят мои волосы. Стешка это тоже чувствует, и мы смеемся.

Сон – это всегда чудо, а хороший сон – чудесный подарок. Но ведь не случайно ей приснился этот необычный красочный сон, которым она поделилась со мной, да и не только со мной, а со всеми нами. Значит, этот сон теперь и наш тоже. И что же это все значит для нее, для меня, для ее родителей? Не знаю, что бы сделали вы, но я лезу в сонник, и не в первый попавшийся, а подхожу к вопросу вполне научно и исследую сонники на предмет того, что это может значить для разных категорий лиц и в разное время. Получается интересно.

Сначала поискала в шкафу потрепанный семейный сонник, перешедший мне по наследству от кого-то из двоюродных бабушек, именно эта категория родственников оставляет самое неожиданное наследство, которое не знаешь, как применить, а выбросить рука не поднимается. Но не нашла, и тогда, вспомнив, что на дворе двадцать первый век, прибегла к помощи интернета. Сонников в сети оказалась тьма-тьмушая, хорошо еще, не во всех упоминается жираф. Я не нашла его в древнееврейском и ассирийском сонниках, должно быть, в те далекие от нас времена мало кто знал о существовании диковинных длинношеих животных или просто не было времени на интересные сны – жизнь представляла собой тяжелый труд, не оставляющий времени на фантазии.

Не было его и у Карла Юнга, впрочем, с его методом ассоциаций однозначного толкования и быть не может, для каждого оно свое. По мнению Юнга, главное – понять, почему бессознательное выбирает именно этот символ для спящего, что оно хочет этим сказать. Собственно, я того же хочу, что и великий психолог, – понять, почему жирафы и для чего так причудливо раскрашены. Пролистав еще несколько страниц ученого трактата и почти уже забыв о первоначальной причине своего интереса, я вдруг наткнулась на постулат, в котором говорилось, что если сновидение не имеет смысла для того, кто его увидел, то невозможно и толкование. Надо будет к этому вернуться и спросить Стешку, что она сама-то думает о своем сне, – решила я и продолжила поиски. Если уж Юнга не поленилась открыть, то надо и Фрейда посмотреть, у него хотя бы символика носит универсальный характер, а значит, и сонник должен быть. Я не ошиблась, основатель теории психоанализа не обошел вниманием выдающегося представителя фауны и посвятил ему несколько туманных строк.

«Видеть жирафа во сне, – повествовал Зигмунд Фрейд, которого прошлое с врезающимися в него, точно остеофиты, комплексами интересовало гораздо больше, чем будущее с его радужными надеждами, – значит, что вы обратили внимание на человека, который считает ниже своего достоинства общаться с вами. Совершенно непонятно, что послужило стимулом для того, что вам захотелось быть с этим человеком, потому что он неисправимый сноб и гордец, который любит в жизни только себя одного. Вы испытаете жесточайшее разочарование. Вам это нужно?»

«Нет, – решила я, – ни мне, ни Стешке этого не нужно». Но что-то все-таки свербило в подсознании, уж больно красив был этот фиолетовый жираф и загадочен. Ну не может быть все так банально. И я продолжила поиски.

Я не встретила жирафа в толстенном томе Генри Миллера, столь популярного среди доверчивых читателей такого рода литературы. Пролистав сонник, я нашла там целый зверинец, где в алфавитном порядке выстроились волк, лисица, земляные черви и жабы, царь зверей лев и символ нашей российской ментальности – медведь, а также небольшой птичник, неизменно включающий петуха, заменяющего собой феникса, ворону, совмещенную почему-то с вороном, сову и орла, как родоначальника целого семейства ястребиных. Что делать, толкователи снов далеки от орнитологии. Любопытно было бы узнать, что снится самим орнитологам, жаль, у меня среди них знакомых нет. Но то, что в этой компании не было жирафа, меня даже порадовало, словно он, попав в сферу внимания этого, на мой взгляд, унылого толкователя, потерял бы все очарование своего чудесного образа и полинял. Кстати, единорога я тоже не нашла, и хотя в мифологии я разбираюсь немногим больше, чем в птицах, два этих образа в моем представлении очень близки по эмоциональному восприятию.

Полистав другие сонники весьма уважаемых, но большей частью эпохально мыслящих провидцев, включая Нострадамуса и Вангу, где жираф также отсутствовал, я перешла к тематическим изданиям. И первым, конечно, выбрала детский сонник, хотя гендерный подход мне не кажется особенно уместным. Но в данном случае мне было любопытно – сильно ли будет отличаться трактовка сновидений.

«Не спорь с теми, кто старше тебя, им виднее» – истина, конечно, вечная, не поспоришь, только при чем здесь жираф и даже два жирафа – желтый и фиолетовый? О возрасте и социальном статусе во сне ничего не было, только цвет, хотя жирафу с его колокольни окрестности, конечно, виднее. Ладно, посмотрим, что еще есть.

Поскольку Стешка – член семьи, даже, можно сказать, центр семейной вселенной, вокруг которого все и вращается, то ее сон не может не отразиться на нас всех, и я заглянула в книжечку с многозначительным названием – «Сонник для всей семьи». Да, если предположить, что Стешкин сон в руку, то нас ждут большие расходы и африканское сафари с последующим непременным безденежьем. Ничего удивительного, экзотические путешествия сегодня дороги, а если возьмут в заложники исламисты или даже какой-нибудь местный племенной царек где-то в Кении, то и вся родня на выкуп собирать будет, и неизвестно, соберет ли. Нет, в Африку пока не поедем, как это ни заманчиво.

«Если вы погладите жирафа, то скоро добьетесь расположения дамы, о которой мечтаете уже длительное время», – гласила следующая запись в том же соннике. Интересно, подумала я, сонник позиционируется как семейный, а подтекст у него определенно мужской. В наше время всеобщей эмансипации звучит как-то несовременно и не к месту романтично.

В следующей книжке с настораживающе неопределенным названием «Сонник странника» жираф, как ни странно, присутствовал. Впрочем, «странник» – понятие очень неконкретное, он может оказаться и путешественником, и охотником, а в таком случае жираф просто необходим, как символ чего-то далекого и труднодостижимого. Однако автор сборника был предельно лаконичен – сон о жирафе означал успех. Это хорошо, но хотелось бы пояснений. Вот так всегда: либо чернуху какую предскажут с подробными пояснениями, так, что, кажется, неприятностей уже не избежать, а как что приятное, так обязательно кратко, сам, мол, додумывай, и ответственность за предсказание только на тебе, неправильно увиденное расшифровал – сам и виноват, что в жизни все иначе.

Наконец я добралась и до наших современников – «Сонник Белого Мага», значит, и такие бывают, а ведь двадцать первый век. Здесь все оказалось неоднозначно и весьма противоречиво, но можно выбрать, что тебе нравится больше. Так подряд все и дано, и как этими толкованиями пользоваться, я не вполне поняла, может быть, как при гадании на книгах – строчку

загадывать. Так, например, вторая строка сверху сообщит, что жираф означает недостижимую мечту и надо набраться терпения. А что же в отношении тех желаний, исполнения которых вовек не дождешься, они же у каждого из нас есть? Молчит Белый Маг. На строчке седьмой дан совет, что не стоит недооценивать окружающих и преуменьшать свою значимость. Тоже весьма неоднозначно и противоречиво, одно, на мой взгляд, исключает другое.

Не знаю, видели ли вы где-нибудь стадо жирафов, но такой сон предвещает встречу с врагами и выяснение отношений. Если вы к этому не готовы, то лучше и не смотрите таких снов или не пользуйтесь сонником Белого Мага. Хотя услугами Черного Мага тоже лучше не пользуйтесь, а то ведь от этого стада потом не оторваться без его же, скорее всего, недешевой помощи.

«Ладно, бог с ней, с ученостью, спрошу лучше ребенка», – решила я, вспомнив давнюю поговорку – «устами младенца глаголет истина». Пора было эту истину услышать.

– Стеш, а ты сама как думаешь, почему тебе жирафы снились?

– Потому что кра-си-вые, – нараспев и делая ударение на последнем слове, ответил ребенок.

Все встало на свои места. Не надо было больше ворошить гору литературы, скопившуюся у меня возле стола, не надо рыскать по интернету в поисках чего-то упущенного. Все просто: красота – это главное, она, как тут же подсказала мне услужливая память подходящую цитату, – спасет мир.

Девятый дом, или Армянский гамбит

Девятый дом гороскопа связан с границей, со всякого рода необычными вещами, с интересом к далеким путешествиям, с людьми из этих самых далеких и не очень далеких стран, а еще со способностью к самовыражению, но самое главное – с неиссякающим желанием понять окружающий нас мир. А у меня в этом доме расположилась Венера, и потому, наверное, привлекательными мне казались люди, на меня ни в чем не похожие, то, что других отпугивает, то меня как магнитом притягивает, и бороться с этим притяжением невероятно трудно, да и зачем? Конечно, в этом стремлении к неизвестному неизбежны разочарования, но это естественный процесс нашего взросления.

Помните игру в шахматы втемную – когда доска разделяется непрозрачным экраном, например газетой, и игроки расставляют фигуры произвольно, после чего экран убирают и начинают играть партию? При определенном везении здесь может выиграть и слабейший. Вот так, втемную, и в моей жизни, как в игре, ферзем изначально была определена Венера, ею подбирались фигуры, казалось бы, случайно, а получилась закономерность.

Сначала появилась на игровом поле фигура, значение которой я сразу определить не смогла, потому что для всего в жизни необходим опыт, а опыт нужно еще накопить, он по наследству не передается. Молодые люди – большей частью мои однокурсники, с которыми я общалась и к которым испытывала устойчивые братские чувства, были все больше славянской внешности, такие же, как я, и лишь этот разительно ото всех отличался, а значит, неизбежно должен был привлечь внимание моей Венеры. Подойти и спросить, кто он такой, я не решилась, а вот девиц всезнающих расспросила. Из снисхождения к моей наивности, которая, по их мнению, проявлялась в неконтролируемой любви ко всему человечеству и к каждому человеку отдельно и граничила если не со слабоумием, то с крайней степенью инфантилизма, они объяснили, что тайны никакой нет и молодой человек не факир, не восточный волшебник, а всего-навсего по национальности армянин, что для меня на тот момент было примерно то же самое. Нет, я не посещала школу для слаборазвитых детей, и уровень образования у меня был вполне стандартный или чуть даже выше, но одно дело книжная информация, которую воспринимаешь как некое абстрактное знание, а другое – реальная жизнь. И как в этой жизни совместить государство Урарту, посылающее нам весточку во времени развалинами своих каменных дворцов, с молодым человеком двадцати лет из плоти и крови, я не знала. Да и никто помочь мне в этом не мог, потому как у большинства моих однокурсников Урарту оставалось вне фокуса их жизненных интересов.

Самым необычным мне казалось его имя, по музыкальности звучания напоминающее шумерский анахронизм так, как я его представляла, поскольку звуковых записей той эпохи в архивах не сохранилось. Но как еще можно озвучить клинопись глинобитных табличек, как не скрипучим сочетанием гортанных согласных? Однако проще всего было расспросить сам объект моего внимания. Я так и поступила: подошла к нему и спросила – почему у него такое странное, прыгающее, точно раненая галка, имя. После нескольких аналогичных вопросов он, похоже, присоединился к категории моих сокурсников, которые считали, что мне нужна опека по малолетству, так что дальше я уже могла задавать любые вопросы, чем, разумеется, и воспользовалась, чтобы поправить свое образование в области армянской истории. Он говорил по-русски так же хорошо, как и все мы, и отличался от нас лишь большей ответственностью и уже сложившимся определенно мужским характером – готовностью взять на себя решение всякого вопроса, чего не было в других мальчишках. И еще, что было немаловажно для моей Венеры, – он был красив, хорошо сложен, обладал шапкой черных вьющихся волос и очень выразительными темными глазами, которые словно поглощали солнечный свет, не становясь от этого ни светлее, ни прозрачнее. Имя его было именем какого-то царя периода Великой

Армении, если такое царство действительно существовало, но в любом случае было необычным. Венера назначила его королем. Увы, король фигура несамостоятельная, ходить дальше одной клеточки, пусть и в любом направлении, не может и постоянно нуждается в защите, как полковое знамя, которое при первой опасности все прячут с угрозой для собственной жизни, а выносят только на парад. Нет, он не был слаб, но он был королем.

Благодаря этому знакомству и неожиданно для себя я увлеклась изучением армянского эпоса и средневековой поэзией. Донимала своих новых армянских друзей, требуя от них пояснений и уточнений в непонятных для меня хитросплетениях средневековой истории и литературы и тем самым часто ставя их в неловкое положение, что они по-мужски стоически переносили.

Может показаться странным, но до этого знакомства я совершенно не задумывалась, что окружающие меня люди принадлежат к разным национальностям, и осознать это оказалось неожиданно сложно. Должно быть, такое целостное восприятие человека, без его классификации по национальной, половой, возрастной или другим категориям, – отличительная черта детства. Любого детства. Вы обращали внимание, что в зоопарках часто выделен вольер для молодняка, и там вместе медвежата, лисята, тигрята? Игра всех объединяет, как, впрочем, и отсутствие необходимости бороться за свое существование. Так и в Советском Союзе: железный занавес не только изолировал нас от мира, но и создавал внутри свой специфический, безопасный для вторжения иных идеологий, кроме марксизма-ленинизма, мир. Под влиянием пропаганды о неизбежном и скором слиянии всех народов в единый советский народ мы позабыли, что когда-нибудь вырастем, обретя внутри себя врожденные инстинкты самосохранения. И все же у нашего поколения эти инстинкты сильно притуплены.

С именами у моих новых знакомых, которые взяли на себя роль пешек в этой шахматной игре, была проблема: одного из них звали совершенно неожиданно – фамилией известного армянского композитора. Но, оказалось, это не предел, поскольку его братом был Пушкин, не Александр, а именно Пушкин. В армянской церкви нет святцев, как в православной, и потому выбор имен не регламентируется – хочешь католические, хочешь сам придумай или у великих мира сего одолжи для своего ребенка, чтобы при встрече его уже все узнавали: «Как там, господин Пушкин, золотая рыбка поживает? Нет, не писали? Писали, но не вы? Ну, это ничего, у вас еще все впереди». А кому целое имя не нравится и он страдает острой формой минимализма, то можно часть имени взять или четверть – все хорошо. Так что и Карлосы есть, и просто Миши, и Комитас с Пушкиным, главное, чтобы человек был хороший. А люди они были замечательные, добрые и отзывчивые, и все как один похожие на тех шахматных пешек, которые в пешем строю преодолевают любые препятствия без страха и сомнения, но, увы, редко побеждают в одиночку. Им надо действовать сообща, как они и поступали – вместе жили, праздновали свои праздники, радовались и огорчались.

Освоившись немного с литературой, я стала просить своих новых приятелей объяснить мне грамматику армянского языка и алфавит, подсознание, наверное, начало действовать – для девятого дома важна структура, через которую можно до истинного понимания добраться, да и какая игра без правил, но они все отшучивались:

– Не надо тебе этого, Азизджан, армянский язык очень сложный, алфавит древний-древний, ни на что не похожий, как его Мисроп Маштоц придумал, так он и не меняется.

Победить этот стговор я не могла, а играть без правил – тоже. Попыталась в библиотеке заказать самоучитель, но и там не оказалось. А Венера моя уже вся в игре, продолжает собирать свое шахматное войско.

У меня был приятель Валька – артистическая натура, ловелас, за всеми моими приятельницами волочился, а потом о своих похождениях мне презабавно рассказывал и все норовил втянуть в какую-нибудь авантюру, так как моя устойчивая нравственность казалась ему очевидным анахронизмом, каким, в сущности, и была. Вальке больше всего соответствовала

фигура коня, по белому полю он ходил или по черному, трудно сказать, думаю, что он выступал и в том, и в другом качестве в зависимости от жизненной ситуации и мог отработать за двух коней сразу. Но конь ведь фигура непредсказуемая, да и ходит буквой «Г», как с него спросить?

Приносит он как-то раз компактный сверток, «Комсомолкой» поверху обернутый, тогда предпочитали натуральную бумагу, пусть и газетную, целлофану, которого, впрочем, и не было еще.

– Я тебе кое-что подарить хочу.

Ну, понятно, для советского студента лучший подарок – книга. Разворачиваю бумагу, а там самоучитель армянского с грамматикой и словарем, и издано все это в Тифлисе в тысяча восемьсот восемьдесят каком-то году. В «Букинисте», значит, купил и потратился прилично, такие магазины не для студенческого кармана.

– А мне это зачем? – стараюсь я отвести от себя навязчивую, точно сахарная помадка во рту, любознательность своего приятеля.

– Зачем – это ты сама решишь, а вот что ты три месяца подряд в библиотеке армянскую тему штудируешь, это ни для кого не секрет.

«Это для того не секрет, – думаю я, – кто в один ход может у тебя за спиной оказаться, тоже мне фигура – конь!»

– Да ты книжечку-то открой, там параллельный словарь трех языков, – настоятельно советует Валька, – если тебе после армянского иврит захочется подтянуть, так нового покупать не придется. Экономия.

Валька правильно рассчитал, как только я получила желаемое, пыл мой поубавился, на алфавит его еще хватило, даже читать научилась, а вот словарный запас оставлял желать лучшего, так что читать-то я читала, а понять прочитанное не могла. Это как дебют в шахматной партии – случайно удачно разыграешь, а дальше что делать, не знаешь. И тут уж никто не поможет – ввязался, так играй.

Пока я создавала себе проблемы с армянским языком, на поле появилась еще одна фигура, Аркадий – должно быть, слон, или, как иначе называют ее в европейской интерпретации, – офицер. Почему офицер – потому что своими гусарскими повадками и желанием всегда оставаться благородным героем он был похож на офицера. Но в моей игре у него был один, но весьма существенный недостаток – будучи армянином, он не умел читать по-армянски. С такой ситуацией я столкнулась впервые – человек говорит, но не умеет писать на родном языке.

Для чего появляется на шахматном поле офицер, всем должно быть ясно: для решительного марш-броска. И тут надо действовать, только прежде определиться, в каком направлении. Направление я определила быстро: Эчмиадзин – религиозный центр, древний архитектурный памятник, и еще далеко, где-то за Кавказским хребтом, Малым или Большим, им виднее. Должно быть, девятый дом включился, и мою Венеру потянуло путешествовать по религиозным местам. Включиться-то он включился, а вот для решительного действия мне офицер и был нужен, потому как со сказкой об Эчмиадзине я могла бы жить долго и никогда не собраться ее реализовать. А тут записка от Аркадия: вечером улетаем. Вот вам и действие. Записку он даже не свернул, так в открытом виде через всю аудиторию и передал, кто хотел, прочел. Пока записка до меня дошла, к предполагаемой поездке еще двое желающих присоединилось, один, правда, до вечера из игры вышел, должно быть, в шашки пошел играть, так проще, но другой – Николай – остался и взял на себя роль другого офицера, того, что на черном поле. Черный офицер действует тайно и своих планов никому не раскрывает. Ненадежен, но и без него игры не будет.

Вот так и построила свое войско моя Венера, или ферзь на шахматном поле. Да только играла она просторно, чтобы ничто не мешало, и размахнулась в своей шахматной стратегии аж до Еревана. Зачем, спросите? Но если королем в партии поставлен армянин, так и гамбит должен быть разыгран армянский. А потому ей, среднерусской Венере, нужно сначала посмот-

реть, как ей в чужой культуре, комфортно ли будет, уютно. Если да, то и фигуры все наготове, а если нет, то место можно и другой уступить, той, которая и без шахмат все по своим местам расставит.

Тем же вечером мы вылетели в Ереван. У меня три рубля в кошельке, у Николая юбилейный рубль с профилем Ленина, должно быть, на счастье, а у Аркадия дальняя родня в Ереване. Можете ли вы представить, что приедете к своей дальней родне с приятелями на прокорм? Я – нет. Но встречается и другое – что тебе еще и рады будут, и билеты купят, чтобы ты и другую родню осчастливил, может быть, еще более дальнюю, живущую в другой стране, например в Азербайджане, но можно и в Сирии. Армяне по всему свету живут и все родственниками друг другу приходятся.

Прилетели мы в Ереван ни свет ни заря, а Эчмиадзин – вот он, около самого аэропорта. Подошли к воротам и не знаем, открыто уже посещение или нет, время-то раннее. На воротах табличка, и все по-армянски написано. Мы возле бронзовой этой таблички стоим, буквы необычные с интересом рассматриваем.

– Я прочесть не могу, – говорит Аркадий, смущаясь.

– Нет проблем, – отвечаю я, – прочту, только ты сразу за мной переводы, чтобы мы хоть что-то поняли.

И стали мы вот таким странным образом с содержанием таблички знакомиться. А с другой стороны ворот старичок-охранник стоит, прислушивается и приглядывается, как бы чего не вышло. Впрочем, мы не могли не привлечь внимания: русская девочка читает по-армянски, а армянин со слуха переводит на русский, третий же вносит по ходу редакторскую правку, и сопровождается весь процесс комментариями общего характера.

Надпись помимо краткой исторической справки содержала расписание посещений, из которого становилось ясно, что мы прилетели слишком рано и имеем возможность познакомиться с окрестностями. Побродив по пыльным дорогам и весьма проголодавшись, мы вернулись к тем же воротам, створки которых были уже широко открыты для всех страждущих. Однако наши попытки войти в Эчмиадзин не увенчались успехом. Охранник, взявший на себя роль апостола Петра, всякий раз закрывал створки ворот перед нами и открывал их, как только мы отходили в сторону. Раза с пятого мы наконец поняли, что попасть в Эчмиадзин нам сегодня не судьба. Он остался для меня и моих спутников тайной, той тайной, которая не открывается любому человеку, а лишь тому, кто уже очистил свою душу от шелухи праздного любопытства. Должно быть, время для этого тогда еще не наступило.

Потерпев поражение в Эчмиадзине, мы отправились в Ереван. Родственники, а может быть, друзья родственников, встретили нас радушно, все говорили по-русски: те, кто знал язык, говорили и за себя, и за тех, кто его не знал, так что мои скромные познания в армянском не понадобились, как, впрочем, и в русском, – достаточно было просто улыбаться и кивать, соглашаясь со всем, что предлагали хозяева. После бесконечно длинного и неторопливого завтрака, плавно переходящего в обед, мы сбежали в город под благовидным предлогом посмотреть его достопримечательности. Как ни странно, но достопримечательностей в самом Ереване оказалось не так много, и на первом месте, пожалуй, Матенадаран – хранилище древних рукописей, а перед ним, конечно, Мисроп Маштоц. Но самой большой неожиданностью оказались люди – все они были темноволосы, смуглолицы и темноглазы, и яркое майское солнце не могло развеять иллюзию, что сошли они с только что виденных мной древних миниатюр. А очень скоро оказалось, что я сама со своей бледной кожей и русалочьими светлыми волосами представляю диковинку в этом новом для меня мире, все чаще и чаще ловя на себе любопытные взгляды прохожих. Пришлось спрятать волосы под кепку и надвинуть ее пониже на лицо, превратившись в обезличенное и бесполое существо. И постепенно я стала понимать, что чувствует южанин, попав в Центральную Россию, а моя Венера, испытывая неловкость от этих непрошенных мыслей, окончательно замкнулась.

Ереван жил своей собственной жизнью, не торопясь откликнуться на наши запросы. Туризм в Советском Союзе был в зачаточном состоянии и едва-едва начинал проявляться даже в таких интернациональных городах, как Москва. Конечно, в небольших провинциальных городках России, да и не только России, новоприбывшего человека сразу окутывали радушной домашней заботой, вовлекая в круг нехитрых, но таких милых в своей разрешимости проблем, что он переставал чувствовать себя чужим, инородным телом. Но Ереван, похожий на орган со своим собственным хорошо отлаженным звучанием, со своими выверенными тонами, не хотел слышать случайной ноты нашего присутствия, звучащей пусть и едва слышно, но не в унисон ему. И это неприятие мы почувствовали сразу и во всем: в жесткой ограниченности зданий, в официозе площадей, в безразличии уличной толпы. Даже в ответах случайных прохожих, которые больше походили на стрелки неодушевленного указателя, чем на отклик живого человека, возможно, потому, что многие не говорили по-русски и просто не понимали нас. Все это постепенно вступало в противоречие с привычным для нас тезисом о единой советской культуре, и противоречие это заставляло невольно задуматься – что я для этой культуры, для этой части человечества, которая, как крепкий остов скального дворца, живет своей памятью, взирая на настоящее с большой настороженностью и недоверием. Ничто, инородное тело, которое в лучшем случае можно нивелировать, обезличить или закуклить, как закукливает какую-нибудь морскую раковину монолит розового туфа в облицовке ереванских зданий. И только случайный прохожий, выхватив ее взглядом, подивится, как это она сохранилась так обособленно в целостности камня, остановится, потрогает, потрет ладонью, желая убедиться, что ему не показалось, и пойдет своей дорогой. Готова ли я к тому, чтобы, подобно этой раковине, быть включенной в чужую культуру, всегда оставаясь для нее инородным телом? Нет, не готова.

Все ответы были найдены, и моя Венера вынуждена была согласиться с приведенными доводами.

Не всякой партии дано состояться после того, как на шахматной доске уже расставлены фигуры и даже придуман новый дебют в виде армянского гамбита. Но всякая жизнь должна быть прожита самостоятельно и в полную силу. Хорошо, что я это поняла тогда.

Словарь армянского языка стоит у меня на книжной полке вместе с другими книгами, но выглядит как-то обособленно. Я иногда натываюсь на него взглядом, беру в руки, листаю чуть пожелтевшие от времени страницы, испещренные почти забытыми мной буквами, и вспоминаю несостоявшийся армянский гамбит, где фигуры для игры выбирала моя Венера. Она по-прежнему живет в девятом доме гороскопа и не остается равнодушной ко всему далекому и таинственному, ведь мир так велик.

Желание быть иностранцем

Я сидела в Большом зале Московской консерватории и слушала кантату Густава Малера, вспоминала повесть Томаса Манна «Смерть в Венеции», посвященную этому композитору, и почему-то думала, что мое восприятие Венеции совершенно лишено праздничности и легкости, как у большинства моих знакомых, а окрашено в цвета будничных забот, где преобладает сине-зелено-серая гамма. Возможно, это связано с тем, что моя дочь учится в Венеции, и восприятие города тесно связано в моем сознании с теми проблемами, которые сопровождают в таких случаях родителей: вид на жительство, билеты на самолет, поиски квартиры, оплата обучения в университете, болезни, экзамены и тому подобное. Надеюсь, что ей остается невидимая для меня сторона Луны, и она состоит из загадок, открытий, влюбленности, восторга, надежд и побед, то есть из всего того, из чего состоит сама юность.

Но как я ни стараюсь изменить свое представление о Венеции, она все равно остается для меня хищной рыбой, лениво плывущей в Адриатическом море в надежде чем-нибудь пожить – и так, между прочим, почти того не заметив, проглотила мою дочь с ее бессмысленной идеей стать итальянкой.

Для меня это решение не было большой неожиданностью, поскольку то, что мы не хотим или не можем слышать наяву, отчетливо слышим во сне, и от этого знания уже никуда не скроешься, так что сопротивляться ее неожиданно возникшему решению изучать итальянский язык я не стала, хотя заранее знала, что за этим последует.

И вот теперь она дышит воздухом вечно тонущей, но непотопляемой Венеции и не знает, что свою любовь найдет в Аргентине. С чего я это взяла, не могу сказать, знание порой приходит само, но, если вдруг оно окажется ложным, я не огорчусь. А потому не спешу делиться этой информацией с дочерью – если тому быть, то все сложится и без моего участия, зачем же ускорять? Судьба всегда выбирает неожиданные дороги, и вовсе не для того, чтобы нам не было скучно, а вот почему? Этот вопрос меня интересует больше всего.

Однако ее российские корни слишком сильны и глубоки, чтобы их можно было обрубить так легко, при первом возникшем желании стать иностранкой. Бесчисленные поколения ее предков три века подряд ежедневно молились за Россию. Они сделали молитву смыслом своей жизни, крепко накрепко связав себя с этой страной, прорастая в ее историю, растворяясь в ней, и лишь один – чужак и авантюрист, не имевший никаких привязанностей и считавший себя гражданином мира, – случайно и словно по ошибке бросил свои семена в ту же почву. И когда от имени одного православного священника к имени другого и третьего, и так три века, начиная с семнадцатого, я соткала эфемерную ткань ее родословной, то поняла лишь одно – этот покров не мог ее отторгнуть, он призван защищать и оберегать. А беспокойная и ищущая испытаний душа досталась ей от кого-то другого.

Разбирая не так давно старый книжный шкаф, я случайно наткнулась на связку бумаг и поначалу не могла понять, к чему или к кому они относятся. Бумаги были старые, пожелтевшие от времени, и четкий каллиграфический почерк одних сменялся малоразборчивой французской или немецкой скорописью других. Нестандартного размера листы, согнутые и сложенные по несколько раз, пружинили и не спешили распрямляться, но, поддаваясь моей настойчивости, нехотя уступали, ровно настолько, чтобы осыпать меня то стершимся в пыль красным сургучом, то песком, использовавшимся бог весть когда для присыпки этих уже сильно выцветших и побуревших чернил. От времени официальные бумаги утратили свою первоначальную строгость и жесткость и выглядели трогательно беспомощными, точно говорили мне: «Но зачем это вы затеяли беспокоить нас, оставьте, мы уже привыкли к своему небытию, не надо нас тревожить». Надо было бы прислушаться, но ведь не прислушалась, а может быть, и не услышала, поглощенная радостью своего неожиданного и долгожданного открытия.

Это была та часть родословной, которую предпочитали держать подальше от глаз, убеждая всех, что она утрачена при бесчисленных переездах или уничтожена в тридцатые годы. И действительно дождалась желаемого – бумаги потеряли свою силу, превратившись в пыльные архивные документы. А ведь еще лет двадцать назад они могли поменять нашу судьбу, превратив в граждан другого государства, и моя дочь уже бы родилась иностранкой. Интересно, что бы тогда не давало ей покоя?! Но сослагательное наклонение не имеет реального воплощения и существует, должно быть, только для неисправимых мечтателей.

Однако кое-что я нашла, и это нечто помогло мне нащупать невидимую нить, соединяющую мою дочь с ее далеким и, на мой взгляд рационального человека, совершенно безумным предком.

Жан Луи Фредерик родился на территории Германии в небольшом городке Саарбрюккен, который не обошла ни одна из европейских войн; когда войн не было, там свирепствовала чума, уничтожая, естественно, всех без разбора. Поэтому совершенно непонятно, откуда появлялись горожане, которые раз за разом восстанавливали город, тем более молодые люди, успевающие достигнуть того возраста, когда они могли держать оружие. Местечко, в котором Жан Луи обрел на некоторое время покой, было немногим спокойнее его родины. Городок Невшатель с одноименным названием кантона на северо-западном берегу живописного Невшательского озера попеременно переходил из рук французских католиков в руки немецких протестантов и до 1815 года являлся прусским княжеством Гогенцоллернов, хотя большинство его жителей составляли франкоговорящие протестанты. Так что Жан Луи, имея двадцать с небольшим лет от роду, смог получить гражданство кантона Невшатель, и в подтверждение этому ему был выписан идентификационный документ, в котором значилось, что он, Жан Луи, приписан к коммуне города Невшатель кантона Невшатель и все его последующие потомки считаются гражданами этого кантона. Войдя таким образом в коммунальную общину и даже женившись, он почему-то не смог усидеть на месте: то ли место было скудно – беднейшая на тот момент страна Европы, то ли его потребности слишком высоки, но непоседливый характер не давал покоя, и он, сделавшись коммерсантом, отправился в Австрию. В подтверждение этого нашлись рекомендательные письма, представляющие его как человека делового и ответственного. Австрия определенно не могла поставить предел его буйным мечтаньям, и ветер перемен, точно Синдбада в арабских сказках, перенес его в Бразилию – страну далекую и сказочную. Путешествия в первой половине девятнадцатого века на парусном корабле на край света едва ли были легкой и приятной прогулкой. Даже сейчас, когда перелет в Латинскую Америку составляет двенадцать-тринадцать часов, а плавание на комфортабельном морском лайнере займет только две недели, мало кто из простого любопытства отваживается на столь дальнее путешествие. Так что вслед за Колумбом под парусами могли отправиться только искатели приключений.

Диагноз Жану Луи был поставлен, необъяснимым оставалось только странное сочетание авантюризма и аккуратности в его натуре – сохранились бумаги, подтверждающие, что он стоял на бразильской земле и прошел таможенный досмотр, а так хотелось воскликнуть: «Этот человек просто фантазер! Ни в какой Бразилии он не был!» – и как спокойно стало бы на душе после этого. Но, увы, свои сумасшедшие фантазии Жан Луи с протестантским педантизмом претворял в жизнь и, что невероятнее всего, документировал. Какой интерес заставил его вернуться в Европу, чтобы опять двинуться в путь в поисках лучшей доли, уже не узнать, записок он не оставил, дневника не вел, а может быть, предпочитал действовать импульсивно. Теперь его маршрут был проложен через Польшу, герцогство Варшавское, в Петербург. Куда он благополучно прибыл, чтобы 6 сентября 1850 года родить единственного сына Леона Евгения Габриэля и умереть через несколько лет, упокоившись на Волковском кладбище. Предполагаю, что только смерть могла оказаться достойным препятствием его стремлению к перемене места жительства, и по этому роковому стечению обстоятельств этот непоседливый человек,

умерший в середине позапрошлого века, оказался прапрадедом моей дочери, родившейся в последние годы века двадцатого. Впрочем, вина за это лежит и на его потомках, не унаследовавших от своего предка любви к кочевой жизни, и хотя их жизнь не ограничивалась рамками одного города, путешествовали они преимущественно в пределах Российской империи, хотя истины ради можно заметить, что размеры этой империи были колоссальны. Леон Евгений унаследовал швейцарское подданство и в силу своего педантичного характера также сохранил для нас документ, подтверждающий этот факт, – идентификационный документ, подтверждающий, что он, Леон Евгений и т. д., сын того-то и той-то, является гражданином кантона Невшатель. Должно быть, Леон Евгений пошел не в отца, поскольку благоразумно выбрал профессию юриста, гарантировав себе и своей семье долгожданную стабильность. Он достиг высшей ступени в табеле о рангах и дворянского титула и удачно умер в 1916 году, оставив своим четырем дочерям благозвучное для русского слуха иностранное имя и достойную пенсию.

Никто из них не знал, что жизнь может перемениться в одночасье, и для этого даже не нужно отправляться в путь, а достаточно горстки «настоящих революционеров», чтобы жизнь, мечты и надежды миллионов обратить в прах. Грянула Октябрьская революция, разметав и обезличив их всех. Но вот странно, никто из этих дочерей не воспользовался замечательной припиской в документе своего отца, гарантирующей гражданство всем его потомкам, никто не попытался спастись из пожарища Гражданской войны, никто не унаследовал сильного авантюрного характера деда, все остались дожидаться своего часа на том жертвеннике, в который превратилась новая Советская Россия.

Их дети выросли уже в другом обществе, где не принято было гордиться своей родословной, а лучше всего было не помнить ни роду, ни племени, а если что-то и помнить, то память свою держать на привязи. Те, кто выжил после Великой Отечественной, а это была только женская часть наследников Жана Луи, благоразумно сменили фамилию, а на подозрительные вопросы начальников отделов кадров при устройстве на работу: «Что-то внешность у вас какая-то нерусская», – научились, потупившись, отвечать недоуменным вопросом: «С чего это вы взяли, внешность как внешность», – понимая, что нельзя оставаться иностранцем в своем отечестве.

Перестройка зародила надежду уже в четвертом поколении потомков Жана Луи. Как же радовались они: Европа открыла нам объятия! Железный занавес наконец-то сорван!

– Да-да, – соглашалось старшее поколение, пережившее Отечественную войну и борьбу с космополитизмом, и тихонько задвигало документы Жана Луи как можно дальше в книжный шкаф. – Нет никаких документов, утеряны, сами понимаете, тридцать седьмой, репрессии, война, что же тут могло сохраниться?

А молодежь вздыхала о нереализованных возможностях, двигала вперед науку и тянула лампу, надеясь, что и в России жизнь теперь, после крушения СССР, наладится.

Тем временем родилось и вышло на жизненные просторы, как принято говорить в романах, следующее, пятое поколение наследников Жана Луи. Выросли они в свободном гражданском обществе, со школьной скамьи усвоив идею, что Россия – это Европа. Каково же было их разочарование, когда они столкнулись с реальностью.

– Нет, – сказал Евросоюз в лице посольских чиновников, – Россия – это Азия, а Европа – это Евросоюз. – И всем стало понятно, что железный занавес никуда не девался, а остался на том же самом месте, только задернули его поплотнее уже с другой стороны.

Вот тут-то и всплыли пожелтевшие документы Жана Луи, обещающие всем потомкам этого незадачливого господина швейцарское гражданство.

– Ничего не знаем, – ответило швейцарское посольство, – законы наши изменились, и кантональное право уступило свои полномочия центральной власти. Вот если бы ваша бабушка оформила швейцарское гражданство в семнадцатом году, то тогда можно было бы о чем-то говорить.

– Помилуйте, – взывали все мы к разуму швейцарских чиновников, – так была же революция, Гражданская война, репрессии, человек слова не мог сказать без опасения за жизнь своих близких, не то чтобы в Швейцарию поехать для оформления гражданства!

– Ничем не можем помочь! Закон есть закон, – вежливо ответили нам, – да и эмигрантов теперь много: и Сирия, и Турция, и Афганистан – все хотят быть швейцарцами.

Ну что на это ответить законному наследнику Жана Луи – швейцарского подданного, сохранившего для своих потомков бессмысленный документ, подтверждающий их право быть гражданами кантона Невшатель, входящего в Швейцарскую конфедерацию? Только одно: счастливо вам потерять свою идентичность, господу европейцы, потому как не устоять вам перед натиском молодых сил вами же растревоженного Востока, а наследников своих собственных граждан вы за людей не считаете. Исключением из этого европейского правила является, пожалуй, только Италия, которая предоставляет свое гражданство жителям всех латиноамериканских стран, если они могут представить какой-нибудь документ, подтверждающий, что их пращур был итальянцем. А потому бразильцы, аргентинцы, парагвайцы чувствуют себя в Италии дома, учат итальянский язык, поступают в итальянские вузы. А государство от притока этих молодых сил только расцветает. Так проявляется мудрость одних и самоуничтожающая осторожность других, но у нас есть время посмотреть на все это со стороны, пусть даже из-за Уральского хребта. Что нам Европа, наши русские корни и сильней, и крепче держатся за родную землю. Все так, только вот нашелся все же тот, кто через полтора столетия унаследовал любовь своего пращура к перемещениям в пространстве, тот, кого притягивает все неизвестное и недоступное, кто готов бороться и побеждать за все те четыре поколения, которые отделяют его от Жана Луи, и этот кто-то, увы, моя дочь.

Желание быть иностранкой вошло в нее вместе с итальянским языком и завладело в такой степени, что, несмотря на все препоны и преграды визовой политики, она уехала учиться в Италию, со страстью юности впитывая в себя не только живой и многогранный язык общения, но перенимая даже мимику и язык жестов – все то, что человек воспринимает от рождения и что всегда неизбежно отличает один народ от другого. Одного она только не может понять – что воспитанный русской культурой человек будет смотреть на окружающий его мир глазами русского человека и видеть его иначе, сквозь призму истории своего народа и своего рода, сквозь звучание православной молитвы, сопровождаемый благословением тех безвестных сельских священников, захороненных на забытых погостах во владимирской земле, которых в ее роду насчитывается десять поколений.

Нет, не могла она уехать без благословения своего рода, отрешившись от всего того, что создает наш жизненный фундамент, оставаясь незаметным для всех других. Но подтверждение своим предположениям я нашла неожиданно и не сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.